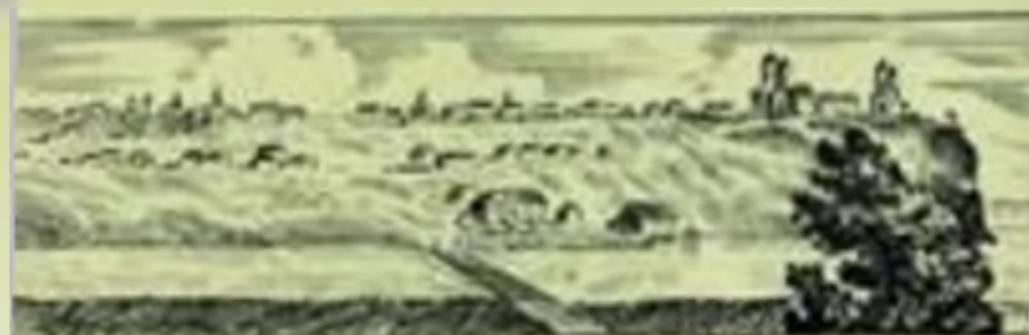

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

**ПУШКИН,
ОРЕНБУРГ
ОРЕНБУРЖЦЫ**

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

ПУШКИН,
ОРЕНБУРГ
И
ОРЕНБУРЖЦЫ

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1985

В брошюре впервые под углом зрения темы «Пушкин и Средняя Азия» рассматривается пребывание А. С. Пушкина в Оренбурге в 1833 г. В научный оборот введены редкие архивные и печатные сведения и факты, читателю предложен ряд новых суждений и оценок.

Для специалистов и широкого круга читателей.

Н $\frac{4603010101-3075}{М 358 (04)-85}$ 260-84

© Издательство «Фан» УзССР, 1985 г.

В 1833 г. А. С. Пушкин совершил путешествие на Урал, в Оренбургский край, куда входили многие земли Юго-Востока России, в том числе и современные Оренбургская и Уральская области, часть степей Казахстана, территории, занимаемые башкирами, татарами и другими народами Поволжья.

Целью поездки был сбор материалов о Пугачевском восстании. Петербург — Москва — Нижний Новгород — Казань — Симбирск — Оренбург — Уральск и обратно через Симбирск в Болдино — таков маршрут путешествия А. С. Пушкина осенью 1833 г. Больше недели находился он в Оренбургском крае (16—24 сентября), а в самом Оренбурге поэт пробыл неполных три дня — с 18 по 20 сентября.

Пребывание А. С. Пушкина в Оренбурге и Оренбургском крае достаточно полно освещено в отечественной науке¹. Не пересказывая общезвестного, мы хотели бы

¹ Письма А. С. Пушкина к жене.— Переписка Пушкина, т. III, 1911, № 746, с. 46—47; № 749, с. 50—52; Даль В. И. Воспоминания о Пушкине.— В кн.: Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, с. 506—520; Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839—40 гг. СПб., 1873, с. 20—23; Письма Е. З. Ворониной.— Русский архив, 1902, № 8, с. 644—660; Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге.— В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXIII—XXIV. Петроград, 1916, с. 67—100, 301—304; Прякишинов Н. Пушкин в Оренбурге.— В кн.: Пушкин в Оренбурге. Оренбург, 1937, с. 16—36; Измайлов Н. В. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы (Труды Третьей всесоюзной пушкинской конференции). М.—Л., 1953, с. 266—297; Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, с. 35—32; Евстратов Н. Г. Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата, 1979, с. 8—35; Елизарова М. Н. Пушкин в Казани. Казань, 1975; Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980; Проспект-плакат «А. С. Пушкин в Оренбуржье» (экспедиция группы ученых по пушкинским местам). Оренбург, 1982; Зобов Ю. С. Оренбуржье, год 1833. Оренбург, 1983; Двадцать седьмая пушкинская конференция (к 150-летию оренбургской поездки А. С. Пушкина). Тезисы докладов. Оренбург, 1983; Белый А. Поехал я в Уральск... г. Уральск,

остановиться на среднеазиатских аспектах оренбургского путешествия поэта, взглянуть на него под углом зрения темы «Пушкин и Средняя Азия», попытаться объяснить, что дала А. С. Пушкину поездка в Оренбургскую губернию для пополнения его знаний о Средней Азии, определить их следы в творчестве поэта. Эта тема в пушкиноведении почти не освещена.

ОРЕНБУРГ ВО ВРЕМЕНА А. С. ПУШКИНА

В истории взаимоотношений России с народами Поволжья, со Средней Азией, казахскими степями, сибирскими землями в XVIII—XIX вв. не было более важного города, чем Оренбург. В пушкинское время это был пограничный город — ворота России в казахские степи, Среднюю Азию, Сибирь. Как важнейший административный, политический и торговый центр, стоявший на стыке Европы и Азии, Оренбург в XVIII—XIX вв. сыграл большую роль в русско-восточных контактах. Если Петербург был окном в Европу, то Оренбург был окном в Азию.

Оренбург был основан 250 лет назад в 1735 г. у устья реки Орь, впадающей в Яик (Урал). В 1743 г. крепость Оренбург была перенесена ниже по Уралу, а на прежнем ее месте осталась Орская крепость (ныне город Орск)². Поэтому второй датой основания Оренбурга стало 19 апреля 1743 г.

Оренбург был построен как административный центр обширного края и главная крепость среди крепостей, построенных по рекам Урал, Сакмара, обеспечивающих различные экономические интересы Российской империи.

Город строили наряду с русскими представители многих других народов. Оренбургский историк К. Сальников по этому поводу пишет: «На стройку Оренбурга были согнаны силой представители местных национальностей по 1 человеку от 5 семей с оплатой по 2 копейки в день. В первый год их работало здесь 927 человек...»³. В первый же год около половины из них погиб-

1983; Кузнецов В. По следам Пушкина и Пугачева.— газ. Комсомольское племя (орган Оренбургского областного комитета ВЛКСМ), 1983 г. 15 и 17 сентября; и др.

² Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984, с. 41.

³ Сальников К. Оренбург эпохи Пушкина.— В кн.: Пушкин в Оренбурге. Оренбург, 1937, с. 65.

до от цинги. Таким образом, Оренбург, подобно Петербургу, возник на костях трудового люда.

Устроителями Оренбургского края были И. К. Кирилов⁴, В. Н. Татищев⁵, В. А. Урусов, И. И. Неплюев. 15 марта 1744 г. Оренбургский край был преобразован в Оренбургскую губернию и первым ее губернатором стал Иван Иванович Неплюев⁶.

К этому времени Оренбургский край простирался от Средней Волги до Аральского моря, от Екатеринбурга (ныне Свердловск) до Каспийского моря; площадь края составляла 1 млн. 525 тыс. квадратных километров, а на юге вбирала в себя часть территории современных Гурьевской, Мангышлакской, Актюбинской, Кызыл-Ординской областей и Каракалпакской АССР⁷.

Оренбургская администрация была активным проводником политики царизма на восточных окраинах России со всеми вытекающими отсюда последствиями. К. Сальников пишет об эксплуатации башкир и «киргизов»⁸, отмечая при этом даже случаи, когда обни-

---

⁴ Наряду со многими другими заслугами Иван Кирилович Кирилов (1689—1737) известен как автор представленного в сенат доклада-проекта «Изъяснение о Киргиз-Кайсацкой и Каракалпакской ордах». Этот проект, составленный еще в 1734 г., свидетельствует об обширных знаниях автора о народах Средней Азии, Поволжья и пограничных с Россией степей (Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. М., 1949, с. 26—27). В ответ на этот доклад Акива Иоановича предписала И. К. Кирилову 10 июня 1734 г. «стараться завести на Аральском море пристань и... суда», утвердить «связь с киргиз-кайсаками и каракалпаками» (Басин В. Я. Оренбургская экспедиция и ее первый начальник И. К. Кирилов.— В сб.: Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII—начала XX вв. Свердловск, 1983, с. 28).

⁵ Татищев Василий Никитич (1686—1750), известный русский историк, автор «Истории Российской с самых древнейших времен», написанной по указанию Петра I, управлял Оренбургским краем в 1737—1739 гг., в 1741—1745 гг.—астраханский губернатор. Он—один из немногих, кто интересовался историей тюркских народов в связи с историей России (см. «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Сочиненный господином тайным советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым», СПб., 1793). О вкладе И. К. Кирилова и В. Н. Татищева в отечественную науку см.: Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, М., 1949.

⁶ Вятевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. 1—5. Казань, 1889—1897 гг.

⁷ Бадыков О. Ф., Сергеев А. Д. О границах и территориальном составе Оренбургского края с 1744 по 1917 год.— В сб.: Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII—начала XX в. Свердловск, 1983, с. 90.

⁸ В прошлом «под киргизами» обычно подразумевались казахи,

шавшие «киргизы» продавали собственных детей оренбургским офицерам и чиновникам⁹. Кстати, продажа собственных детей голодающими жителями степей и приобретенные богатыми семьями «арапчат» в качестве слуг нашли отражение и в русской литературе (Ушаков в В. А. Киргиз-кайсак; Грибоедов в А. С. Горе от ума; некоторые «оренбургские» произведения В. И. Даля и др.).

Оренбург был своеобразным городом, но в нем, как и во всей России, господствовали царские порядки. К. Сальников пишет, что оренбургское чиновничество соответствовало нарисованному Н. В. Гоголем в «Ревизоре», и в качестве довода приводит такой факт: в одном учреждении города с 1828 г. по 1833 г. оказалось «под сукном» 456 бумаг¹⁰. Видимо, взятки и казнокрадство, высмеянные Гоголем в «Ревизоре», были в те времена слишком широко распространены, если из-за них в 1739 г. отозвали с поста начальника Оренбургского края и достопочтенного историка В. Н. Татищева¹¹.

Вместе с тем Оренбург, как и Кавказ, являлся своеобразным местом ссылки некоторых передовых людей России. Благодаря этому в крае, вопреки воле царизма, получала распространение прогрессивные идеи, передовая культура.

Через оренбургский тюремный замок прошли крестьяне и казаки, участники восстания Пугачева, повстанцы-башкиры, ссыльные поляки и другие. В Оренбургский край были сосланы многие декабристы, петрашевцы, такие революционные поэты, как Т. Г. Шевченко и другие¹². Среди ссыльных поляков, участников польского восстания 1831 г., находившихся в Оренбурге, оказался и польский писатель, друг Адама Мицкевича, Фома Зан¹³.

но в широком смысле этим словом называли всех жителей степей (казахов, киргизов, каракалпаков и др.); выходцев из Средней Азии часто именовали «бухарцами», «хивинцами», «коканцами», чаще «бухарцами».

⁹ Пушкин в Оренбурге, с. 100—101.

¹⁰ Там же, с. 98—99.

¹¹ Корсаков Д. А. Василий Никитич Татищев.— Русская старина, 1887, июнь, с. 563—590. Этот автор считает, что лихоимство — характерное явление для тех времен (с. 567).

¹² Пушкин в Оренбурге, с. 102—103; Галиев В. Декабристы в Казахстане.— История, вып. 6, Алма-Ата, 1973, с. 161—172; Некоторые сведения о декабристах на Урале см.: Большаков Леонид. Отыскал и книгу славную... Челябинск, 1983, (третья часть «Заново прочтенные страницы», с. 222—289).

¹³ Пушкин в Оренбурге, с. 97.

Да и в самом Оренбурге было не спокойно. Губернатор П. К. Эссен, проявляя чрезмерное усердие, в 1827 г. докладывал императору Николаю I об открытии «важного государственного заговора» в Оренбурге и аресте группы людей во главе с П. М. Кудряшовым¹⁴. Тот самый П. К. Эссен, который 14 декабря 1825 г. пытался своей неумной речью утихомирить толпу на Сенатской площади¹⁵.

Пребывание передовых людей благоприятно сказалось на развитии культурной жизни края. Так, в 1831 г., незадолго до приезда А. С. Пушкина в Оренбург, при Неплюевском военном училище с помощью политических ссыльных и других прогрессивных представителей русской интеллигенции был организован музей, в котором наряду с зоологическими, ботаническими, минералогическими и другими экспонатами были представлены коллекции одежды и оружия, предметы быта разных народов, населяющих Оренбургский край¹⁶. Известный венгерский ученый А. Вамбери в своей книге «Очерки Средней Азии» приводит содержание сказки мангышлакских казаков (т. е. казахов) «История Кугула», записанной польским ссыльным Залесским в Оренбургском крае и опубликованной в Париже в 1865 г.¹⁷

В Оренбурге формировались многие научные экспедиции. Например, академическая экспедиция П. П. Палласа в 1768—1774 гг.; через этот край проехали в 1829 г. выдающийся немецкий натуралист и путешественник А. Гумбольдт (1769—1859); в 1832—1834 гг. флору края изучал берлинский профессор Х. Ф. Лессинг¹⁸.

П. П. Свиньин, посетивший Оренбург в 1824 г., писал о людях этого города: «Я встретил здесь, на краю киргизской степи, общество людей самых образованных, лучшего тона, обладающих отличными талантами»¹⁹.

Оренбург имеет свои давние военные традиции. Так, Оренбургские казачьи и Мещерякско-Башкирские войска прославились в войнах против Наполеона, в 1813—

¹⁴ Русская старина, 1881, декабрь, с. 770—771 (Из «Записок несчастного» В. П. Колесникова).

¹⁵ Давыдов Денис. Военные записки. М., 1983, с. 344.

¹⁶ Галиев В. Декабристы в Казахстане.— История, вып. 6, Алма-Ата, 1973, с. 168—169.

¹⁷ Вамбери А. Очерки Средней Азии (дополнение к «Путешествию по Средней Азии»). М., 1868, с. 347—361.

¹⁸ Об этом см.: Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII—начала XX вв.

¹⁹ Свиньин П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей.— Отечественные записки, 1828, ч. 35, № 99, с. 4.

1814 г. в составе русской армии прошли всю Европу²⁰. Причем исследователи высоко оценивают русско-среднеазиатские торговые отношения в годы войн с Наполеоном²¹.

Сношениями с народами степей и со среднеазиатскими ханствами ведала Оренбургская пограничная комиссия — специальный орган оренбургской администрации²². Большое место в этих связях занимала торговля. Основы торговли в самом Оренбурге заложил еще И. И. Неплюев, первый губернатор, назначенный в 1744 г. До него отправлял в Ташкент караван для торговли со среднеазиатскими ханствами правитель Оренбургского края В. Н. Татищев. А. С. Пушкин в статье «О Татищеве», кратко излагая историю его деятельности как историка и губернатора, подчеркивает и его роль в налаживании торговли с Ташкентом, оренбургской меновой торговли, пишет о предложениях Татищева по устройству Оренбургского края (в том числе о «правилах для управления киргиз-кайсаками») и т. д.²³

Русско-среднеазиатская торговля через Оренбург — это специальная историко-экономическая тема²⁴, но отметим, что накануне приезда Пушкина в Оренбург, 15 июня 1833 г. сюда прибыл караван в 496 верблюдов с бумажной пряжей, хлопком, сушеными фруктами и другими товарами. И ожидался новый караван в 700 верблюдов²⁵. Торговля, в особенности хлопком, шири-

²⁰ Похлебкин В. Военная история России на карте одной области.— Наука и жизнь, 1979, № 1, с. 58—61.

²¹ Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. Ташкент, 1982, с. 43.

²² Иногда она возглавлялась видными учеными-востоковедами. Например, Г. Ф. Генсом в 1825—1844 г., исследователем истории и географии края; В. В. Григорьевым в 1854 г., автором книг «Описание Хивинского ханства и дороги из Сарайчиковской крепости» (Оренбург, 1861), «Россия и Азия» (СПб., 1876) и многих др. Пограничная комиссия, созданная в 1782 г., до 1799 г. именовалась Экспедицией пограничных дел (Зобов Ю. С. Оренбургье, год 1833, с. 14).

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6. М., 1950, с. 56—61.

²⁴ Некоторые вопросы российско-среднеазиатских дипломатических и торговых отношений через Оренбург см.: Зинев Х. Э. Средняя Азия и Поволжье (вторая половина XVI—XIX вв.), Ташкент, 1965 (на узб. яз.); Он же. Связи Средней Азии и Приуралья в XVIII в. Ташкент, 1973 (на узб. яз.); Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. Ташкент, 1982; и др.

²⁵ Сальняков К. Оренбург эпохи Пушкина.— В кн.: Пушкин в Оренбурге, с. 91.

лась с каждым годом. Так, в 1836 г. из Средней Азии в Россию было ввезено 38,5 тыс. пудов хлопка, примерно на сумму 800 тыс. руб.²⁶ Знаменитые оренбургские пуховые платки, нижегородские шали делались из козьего пуха, привозимого из Киргизии, Тибета и других районов Средней и Центральной Азии²⁷.

С самого начала Оренбург был многонациональным городом. В числе привилегий, данных новому городу Оренбургу, представлялось «...новоподданным киргиз-кайсацким и каракалпакским народам... приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышленя...»²⁸. Специалисты называют «Привилегию городу Оренбургу» уникальным документом, способствовавшим быстрому развитию города и подчеркивавшим его исключительное значение²⁹.

В Оренбурге наряду с русскими жили и представители других народов, в том числе среднеазиатских. В 1804 г., например, в Оренбурге насчитывалось 20 дворов среднеазиатских поселенцев, в 1808 г. — 46 семей, в 1825 г. — 130 семей³⁰. Во время приезда сюда Пушкина в городе жили около десяти тысяч человек, в числе которых русские, украинцы, татары, мордва, калмыки, башкиры, выходцы из казахских степей и Средней Азии. Азиаты, большинство из которых были «бухарцы», в начале 40-х годов занимали здесь двенадцать домов³¹. В материалах переписи населения Оренбурга за 1834 г. встречаются бывшие крепостные «из киргизской и каракалпакской наций»³².

Выходцы из Средней Азии, обосновавшиеся в Сенцовской слободе (впоследствии Каргалинская станция), даже пытались выращивать хлопок. Из этого ничего не вышло, зато дыни уродились хорошие и их хвалил «оренбургский Ломоносов» — П. И. Рычков³³. Пушкин в примечаниях к «Истории Пугачева» довольно подроб-

²⁶ Михалева Г. А. Документы Оренбургского архива о ввозе среднеазиатского хлопка в Россию. — *Общественные науки в Узбекистане*, 1965, № 10, с. 61.

²⁷ Дворников Е. Шаль «Н. М.» — Правда, 1979 г., 13 января.

²⁸ Материалы по истории каракалпачков. М.—Л., 1935, с. 201.

²⁹ Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, с. 31.

³⁰ Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России..., с. 23—24.

³¹ Зобов Ю. С. Оренбуржье, год 1833, с. 10.

³² Там же.

³³ Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России..., с. 25.

но описал Сентовскую слободу, ее месторасположение, историю ее названия, количество проживаемых в ней душ и т. п.³⁴

Будучи пограничным городом, воротами между Россией и Средней Азией, Оренбург был настолько интернациональным, разноязычным, что его долгое время не называли чисто русским городом. Так, даже И. И. Неплюев, докладывая о торговле в Оренбурге в 1745 г., сообщал: «Привезено было из *русских городов* (подчеркнуто нами.— М. Н.) товара в Оренбург на 33888 рублей, в Орск — на 75 215 рублей, а в *русские города* отпущено из Оренбурга на 10 343 рубля, из Орска — на 95 364 рубля»³⁵.

Любопытно, что В. И. Даль слова «пахта» (хлопок), «пахтовые халаты» определяет как оренбургское наречие³⁶, хотя хлопок не сеялся в Оренбургском крае, а привозился из Средней Азии. Это еще раз подчеркивает разноязычность и пограничное положение Оренбурга во времена Пушкина и Даля.

Важное место в торговле Оренбурга в XVIII—XIX вв. занимали татарские купцы³⁷. И вообще, татары, башкиры на протяжении долгого времени играли важную посредническую роль во всех взаимоотношениях России и Средней Азии. Археологи отмечают древние взаимосвязи народов и племен Южного Урала и низовьев Амударьи³⁸.

Любопытный Пушкин, должно быть, обратил внимание на разноплеменной люд Оренбурга, тем более, что торговля проходила не только в Меновом дворе, на окраине города, но и в центре города в Гостином дворе, северную часть которого занимали хивинцы и бухарцы, а южную — русские³⁹. На многонациональную пестроту базарной толпы Оренбурга обратил внимание немецкий ученый Ф. И. Базинер, побывавший здесь в

³⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, с. 212.

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XI (т. 21—42). М., 1963, с. 403.

³⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1981—1982; т. III, 1982, с. 26.

³⁷ Аляшев С. Х. Торговые связи казанских татар со Средней Азией и Казахстаном в XVIII в.— В кн.: Литературоведение и история (тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции). Ташкент, 1980, с. 174—176.

³⁸ Мамылов Ю. «Белые пятна» Устюрта.— Советская Каракалпакия, 1975 г., 22 июля.

³⁹ Сальняков К. Оренбург эпохи Пушкина.— Пушкин в Оренбурге, с. 91.

1842 г.⁴⁰ Он отмечает русских, поляков, немцев-колонистов, казахов, башкир, татар, бухарцев, хивинцев, калмыков и даже французов и итальянцев из числа пленных наполеоновской армии.

Азиаты были не только в Оренбурге. Французский поэт Теофиль Готье, описывая нижегородскую ярмарку в своей книге «Путешествие в Россию» (1867), упоминает азиатских купцов в «черных астраханских каракулевых шапках, пьющих чай с сахаром вприкуску»⁴¹.

Подобные сцены жизни всегда привлекали Пушкина, любившего посещать базары. (Примечательно, что ныне на месте знаменитых нижегородских ярмарок в городе Горьком, на берегу Оки, возрождена ярмарка⁴², о которой не раз писал поэт).

В торговых (да не только в торговых) взаимоотношениях России со Средней Азией, казахскими степями, и Сибирью большую роль играл Меновой двор Оренбурга, расположенный в трех верстах к югу от города на «азиатской» стороне Урала на большом лугу⁴³. Он был построен в 1744—1747 гг. и свое название получил от того, что первоначально торговля здесь велась без денег, на обмен, меновая⁴⁴. Меновой двор был построен с учетом торговых и бытовых интересов разноплеменного торгового люда (азиатский двор, таможня, склады, церковь, мечеть и т. п.).

Интересное описание Менового двора оставил В. И. Даль, рассказавший, вероятно, немало интересного о нем А. С. Пушкину, которого он сопровождал, знакомя с городом и окрестностями, в том числе и с «Зауральной рощей, откуда пугачевцы пытались однажды по льду штурмовать город»⁴⁵.

Пушкин не раз писал о Меновом дворе. Упоминает его в «Истории Пугачева» (в третьей главе, на страницах, посвященных осаде Оренбурга), а в «Примечании к главе третьей» подробно описывает (вероятно, по

⁴⁰ Там же, с. 77, 91.

⁴¹ Теофиль Готье. Лето в России.— Неделя, 1971, № 32, с. 21.

⁴² Правда, 1971 г., 29 августа; Комсомольская правда, 1972 г., 20 августа.

⁴³ Описание оренбургского Менового двора см.: Даль В. И. Вихей и Маудия (Повесть).— Полн. собр. соч., СПб.— М., 1897—1898, т. VII; Крашенинникова Н. Л. Меновые дворы юго-восточных границ России в XVIII в.— История СССР, 1973, № 5, с. 212—219; Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России... с. 26—27, 39, 61, 83 и др.

⁴⁴ Пушкин в Оренбурге, с. 89.

⁴⁵ Там же, с. 27.

«Топографии Оренбургской губернии» П. Рычкова) его функции, количество лавок, амбаров (в том числе и о 98 лавках и 8 амбарах для азиатских купцов), полавочные взимания, батареи, расположенные в нем и др.⁴⁶

В «Оренбургских записях» Пушкина отмечено, что бунтовщики 1771 года были посажены в лавки Менового двора. Когда их отпустили, они грозилась: «То ли еще будет? Так ли мы трянем Москвою?»⁴⁷. Эти слова приведены в конце первой главы «Истории Пугачева» и вложены в уста самого Пугачева в «Капитанской дочке».

Пушкин в «Застольных разговорах» («Table-talk»)⁴⁸ дает две «сказки» о том, как пленный «Пугачев сидел на Меновом дворе» и любопытные приходили глазеть на него. Однажды (во второй «сказке») пришел бежавший от Пугачева симбирский дворянин и стал осыпать его упреками. Пугачев, посмотрев на безобразного лицом, к тому же безносого, дворянина, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братни, но такой гнусной образны, признаюсь не видывал». Эти дерзкие слова, записанные 6 октября 1834 г., Пушкин, должно быть, из-за цензуры не решился включить в «Историю Пугачева» или «Капитанскую дочку». Но то, что он записал и, возможно, пересказывал эти «сказки» (первая — о том, как Петр I хотел увидеть останки Стеньки Разина), похвалил их («сказка замечательна»), хотя сам был дворянином, свидетельствуют о явных симпатиях поэта к Пугачеву.

Интересно, что впоследствии на Меновом дворе оренбуржцы спасались во время пожаров⁴⁹. А. В. Луначарский, посетивший Оренбург в 1929 г., призывал «предохранить его (Меновой двор.— М. Н.) от дальнейшего разрушения»⁵⁰. Однако Меновой двор не сохранился до наших дней, лишь четыре добротных жженных кирпича, оставшиеся от него, представлены в качестве экспонатов в филиале областного краеведческого музея — Музее истории города Оренбурга (ул. Набережная, 29).

Несмотря на великодержавную политику царского правительства, передовая общественность Оренбурга

⁴⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, с. 124, 202.

⁴⁷ Там же, с. 663.

⁴⁸ Пушкин А. С. Соч. М., 1948, с. 822.

⁴⁹ Беккаревич Н. Д. Оренбургские пожары 1879 года.— Исторический вестник, 1904, т. 98 (октябрь — декабрь), с. 999—1010.

⁵⁰ Крашенинникова Н. Л. Меновые дворы юго-восточных границ России в XVIII в.— История СССР, 1973, № 5, с. 213.

выступала за просвещение «инородцев». В результате ее усилий при военном губернаторе П. П. Сухтелене, предшественнике В. А. Перовского, были открыты школы совместного обучения для всех национальностей края, а также для женщин — башкирок, калмычек, казачек³¹.

Неплюевское военное училище, организованное в 1825 г., имело два отделения — европейское и восточное. В нем обучалось 70 воспитанников, работало 12 преподавателей. В восточном отделении, где обучались «азиатцы», наряду с другими предметами преподавались татарский, арабский и персидский языки³². Понятно, готовились офицеры, переводчики и чиновники российской администрации, но вот факт, достойный внимания: в восточное отделение брали в основном детей «почетных сродынец», т. е. знати. Поскольку не все сынки богатей имели рвение к учебе, то перепадали случаи поступления в него и бедняков³³. Училище располагало военно-походной типографией, которая имела и арабский шрифт³⁴.

Со времени своего основания до середины XIX в., вплоть до завоевания и присоединения Казахстана и Средней Азии к России, образования Туркестанского генерал-губернаторства с центром в Ташкенте, Оренбург выполнял важную политико-административную и торгово-экономическую роль. Можно даже сказать, что Оренбург был Ташкентом середины XVIII — середины XIX вв.

Пушкин не был в Средней Азии, но он был у ее ворот. И если Петербург был окном в Европу, то Оренбург был окном в степь, Среднюю Азию, Сибирь, и Пушкин многое увидел через это восточное окно. В. И. Даль в письме В. А. Жуковскому из Оренбурга от 30 мая 1838 г. верно подчеркнул пограничное положение города: «Вы и Пушкин были в Оренбурге, в этой колючей точке оседлого быта России, где свет заклю-

³¹ Похлебкин В. Военная история России на карте одной области. — Наука и жизнь, 1979, № 1, с. 60.

³² Сальников К. Оренбург эпохи Пушкина. — Пушкин в Оренбурге, с. 81. Неплюевское военное училище основано в 1824 г., реорганизовано в Неплюевский кадетский корпус в 1844 г., который преобразован в Оренбургскую военную гимназию в 1866 г. — Кононов А. Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1974, с. 34.

³³ Сальников К. Оренбург эпохи Пушкина. — Пушкин в Оренбурге, с. 82.

³⁴ Там же, с. 97.

чен границами и оттуда нет дороги никуда, кроме в Хиву или Бухару, или назад в Россию...»⁵⁵.

К. Сальников в статье «Оренбург эпохи Пушкина»⁵⁶, написанной по материалам Оренбургского областного исторического архива, дает интересное описание как истории города, так и его состояния во время посещения Пушкиным. Оренбург «Пушкин осмотрел довольно подробно», — пишет автор, ссылаясь на то, что он пересек город, проезжая к Артюхову в Неплюевское училище и специально ездил по городу вместе с Далем⁵⁷. Подробный осмотр Пушкиным Оренбурга и его окрестностей подтверждается и другими исследователями⁵⁸.

Для нас очень важен подробный осмотр поэтом тех мест города и его окрестностей, которые чем-либо связаны с Востоком. «Восточными» объектами во времена Пушкина были: Меновой двор, Гостиный двор, Сентовская слобода, музей Неплюевского училища, некоторые жители города и др.

А. С. Пушкин не только рассматривал пугачевские и другие места, в том числе и Оренбург, но и встречался, беседовал с В. И. Далем, В. А. Перовским, К. Д. Артюховым, Н. П. Ивановым, которые могли многое рассказать ему о Средней Азии.

В. И. ДАЛЬ

В течение неполного трехдневного пребывания А. С. Пушкина в Оренбурге его повсюду сопровождал писатель и автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль (1801—1872), который с 1833 по 1841 г. служил чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе⁵⁹.

⁵⁵ Цит. по кн.: Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, с. 132.

⁵⁶ Сальников К. Оренбург эпохи Пушкина. — Пушкин в Оренбурге, с. 64—103.

⁵⁷ Там же, с. 103.

⁵⁸ Прянишников И. Пушкин в Оренбурге. — Пушкин в Оренбурге, с. 24—27; Славянский Ю. Л. Поездка Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980, с. 60, 131.

⁵⁹ Об оренбургском периоде жизни В. И. Даля см.: Даль В. И. Критико-биографический очерк П. И. Мельникова (Андрея Печерского). — Полн. собр. соч. Владимира Даля (казака Луганского). В 10-ти т. СПб. — М., 1897—1898, т. I; Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. — Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII. Оренбург, 1913; Прянишников Н. В. В. И. Даль в Оренбурге. — Степные огни, 1941, № 4; Фе-

В. И. Даль приехал в Оренбург весной 1833 г. вместе с новым военным губернатором В. И. Перовским, оказывавшим ему постоянное внимание. Через В. А. Жуковского В. И. Даль познакомился и подружился с А. С. Пушкиным, Н. М. Языковым, А. А. Дельвигом, И. А. Крыловым, Н. В. Гоголем, братьями Перовскими и др.

В. И. Даль не только сопровождал А. С. Пушкина в поездке по Оренбургскому краю, но был рядом с ним и в последние два дня его жизни. Простреленный сюртук поэта с дыркой от пули в правой поле попал к Далю от Жуковского. Впоследствии Даль отдал его М. П. Погодину⁶⁰.

Для Пушкина лучшего сопровождающего по Оренбургу, чем Даль и не надо было: энциклопедические знания Даля, его знание местной действительности (несмотря на недавний приезд в Оренбург, Даль успел проехать 2500 км по Уральску, Гурьеву, Букеевской орде, ознакомиться с делами оренбургской администрации и т. д.), писательское родство, прежние взаимные симпатии способствовали успеху поездки, дружеским беседам, и вообще приятному пребыванию поэта в Оренбурге.

За восемь лет (1833—1841) своего пребывания в Оренбургском крае Даль, кроме выполнения непосредственных служебных обязанностей, собирал фольклор, тюркоязычные рукописи⁶¹, писал рассказы, повести или собирал материалы для них, участвовал в Хивинском походе 1839—1840 гг.

В. И. Даль тесно общался с местным населением,

тисов М. И. Литературные связи России и Казахстана. М., 1956, с. 113—187; Евстратов Н. Г. Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата, 1979, с. 36—61; Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка (восьмое издание). В 4-х т. М., 1981—1982; т. 1. М., 1981, с. I—X; и др.

⁶⁰ Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль.— Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 33; Вересаев В. Пушкин в жизни, 6 изд., т. 2. М., 1936, с. 465. Если записка Даля о смерти Пушкина была опубликована в 1860 г. в «Московской медицинской газете» (№ 49), то его оренбургские воспоминания о Пушкине, написанные через семь лет после смерти поэта, были изданы только в 1890 г. Л. Н. Майковым, который получил их от родных П. В. Анненкова. В свое время В. И. Даль передал их П. В. Анненкову, который не успел их опубликовать. Майков Л. Н. Пушкин и Даль.— Русский Вестник, 1890, октябрь, с. 5 («Воспоминания о Пушкине» Даля — с. 5—10).

⁶¹ Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 62.

прежде всего с казаками, с оренбургскими старожилыми, хорошо знавшими край, жизнь его народов. Он сочувственно относился к вождям казахских повстанцев Исатаю Тайманову (1791—1838) и поэту-воину Махамбету Утемисову (1804—1846)⁶².

Наряду со сбором пословиц и поговорок, песен и прибауток русского народа Даль собирал фольклор и других народов. Так, он подарил профессору Варшавского университета Ф. И. Эзберу приобретенную им рукопись, написанную арабским шрифтом, которая оказалась текстом «киргизской песни»⁶³.

Даль делал съемки маршрутных карт вблизи границ Хивинского ханства⁶⁴. Собранные сведения о путях в Хиву⁶⁵ Даль передал Я. В. Ханыкову (географу, картографу). С большим знанием он описал быт уральских казаков («Уральский казак»), жизнь казахов («Бикей и Мауляна» и «Майна»), башкирский край («Башкирская русалка», «Небывалое в былом», «Охота на волков», «Обмиранье»)⁶⁶. На основе рассказов русских пленных и торговцев Даль создал такие познавательные рассказы о Средней Азии, как «Рассказ пленника Ф. Ф. Грушина», «Рассказ об осаде крепости Герата», «Осколка льду» о Хиве, Бухаре и других восточных городах.

Даль — автор нескольких рассказов и о самом Оренбурге. Биограф Даля Н. Н. Модестов считает, что оренбургский «Меновой двор нашел в Дале самого лучшего своего бытописателя»⁶⁷, и оренбургские труды Даля служат первоисточником для всех изучающих Оренбургский край⁶⁸.

Во время Хивинского похода 1839—1840 гг. Даль писал письма, вел записки, в которых подробно описывал все, что видел. Эти материалы были опубликованы в «Русском архиве» за 1867 г. и несколько раз переиздавались⁶⁹. Даль записал множество рассказов русских

⁶² Об этом см.: Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 120—123.

⁶³ Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 62.

⁶⁴ Полев Ю. Удивительные странствия Владимира Даля.— Казак Луганского.— Вокруг света, 1972, № 10, с. 73.

⁶⁵ О произведениях В. И. Даля на казахские темы см. Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 113—187.

⁶⁶ Порудоминский Владимир. Даль, М., 1971, с. 211.

⁶⁷ Модестов Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге.— Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 56.

⁶⁸ Там же, с. 57.

⁶⁹ Там же, с. 36.

пленных, торговцев, посещавших Бухару, Ташкент, Коканд, в которых содержался богатый фактический материал о быте, нравах, экономике, административном устройстве среднеазиатских городов и селений. В одном из своих писем из Хивинского похода (от 27 декабря 1839 г.) он сообщает о поэме «Чурбатыре, Ногайце» (вероятно, это эпическая поэма «Шора-батыр», «Ер Шора».— М. Н.), рассказанной сказителем Санат, отмечает ее сходство с русскими богатырскими сказками⁷⁰.

Даль очень много знал о народах Средней Азии. Так, в «Письмах к друзьям из похода в Хиву»⁷¹ он упоминает не только о бухарцах, хивинцах, но и о каракалпаках. Такая его фраза, как «каракалпаки могут снабдить нас говядиной»⁷², свидетельствует о точности сведений Даля: действительно, крупный рогатый скот составлял основу животноводства каракалпаков. О положении кунградских каракалпаков, об их быте, занятиях, отношении к хивинскому хану Даль пишет в «Рассказе пленника Ф. Ф. Грушина»⁷³. Не раз упоминает он этот народ и в других пересказах сообщений русских пленников⁷⁴.

Хорошая осведомленность Даля о жизни даже немногочисленного народа, расположенного на границе Оренбургской губернии и среднеазиатских ханств,— еще одно свидетельство его широких и глубоких знаний о народах Востока.

Письмами В. И. Даля о Хивинском походе интересовался Л. Н. Толстой. Он просил редактора «Русского архива» П. Бартенева выслать ему эти письма, чтобы использовать их при написании исторического романа, главным персонажем которого должен был стать В. А. Перовский⁷⁵.

М. И. Фетисов считает В. И. Даля автором теплого обращения к участникам неудачного Хивинского похода от имени В. А. Перовского, призывающего солдат и

---

⁷⁰ Даль В. И. Письма к друзьям из похода в Хиву 1839 года.— Русский архив, 1867, № 3, с. 429—430.

⁷¹ Русский архив, 1867, № 3, 4; Даль В. Полн. собр. соч., в 10-ти т. СПб.— М., 1897—1898, т. X, с. 442—509.

⁷² Русский архив, 1867, № 4, с. 610.

⁷³ Литературное приложение к «Русскому инвалиду», 1878, № 5, с. 84, 86.

⁷⁴ Альманах на 1838 г., изданный Владиславлевым В., с. 193; Литературная газета, 1840, № 14.

⁷⁵ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 125.

офицеров к мужеству, стойкому преодолению горечи неудач и трудностей обратного пути⁷⁶.

Находясь в Петербурге и опасаясь возможных неприятностей, Даль в 1848 г., к сожалению, уничтожил многие записи, среди которых были и описания «Киргизской степи», рассказы русских пленников Хивы, сообщения торговцев, посетивших Бухару, Ташкент, Коканд и, что особенно для нас важно, — подробное описание Хивинского похода⁷⁷.

Дружеские отношения Пушкина и Даля оказались плодотворными для их творчества. Считается, что за Словарь свой Даль принял по настоянию Пушкина⁷⁸. И, возможно, как считают некоторые, именно «в Оренбурге у Даля вполне созрела мысль о составлении словаря живого великорусского языка»⁷⁹. По пути из Оренбурга в Берды Пушкин рассказал Далю сказку о голодном волке. Эта сказка, опубликованная впоследствии Далем, насыщена тюркскими словами, местами изложена ломаным русским языком. М. К. Азадовский предполагает, что сказка в такой форме была услышана Пушкиным от татарина или калмыка, говорящего порусски, во время его пребывания в Поволжье и рассказана Далю под свежим впечатлением⁸⁰.

Сказки Даля очень нравились Пушкину. По мнению Л. Н. Майкова, «Сказку о рыбаке и рыбке» поэт написал под влиянием первого пятка «Сказок» казака Луганского (Даля)⁸¹. В подтверждение Н. Н. Модестов сообщает, что поэт подарил эту сказку Далю с надписью: «Твоя от твоих. Сказочнику казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин»⁸².

⁷⁶ Там же, с. 126—127.

⁷⁷ Мельников П. И. (Печерский Андрей). Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк.— Даль В. И. Полн. собр. соч., т. I, СПб.—М., 1897—1898, с. LVI. Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге.— Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 55. Евстратов Н. Г. Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата, 1979, с. 59.

⁷⁸ Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936, с. 511, 628.

⁷⁹ Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 62—63.

⁸⁰ Азадовский М. К. Сказка, рассказанная Пушкиным Далю.— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.—Л., 1939, № 4—5, с. 488—490.

⁸¹ Русский Вестник, 1890, октябрь, с. 14.

⁸² Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге.— Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 53.

Некоторые пушкиноведы полагают, что обилие проstonародных слов и руссиазмов в языке «Медного всадника» («прозванье» вместо «фамилия», «медная шапка» вместо «каска», «Петра творенье», «Град Петра» вместо «Петербург») — результат общения Пушкина с Далем⁸³. Примечательно, что Д. Н. Соколов последнюю часть своей статьи «Пушкин в Оренбурге» даже назвал «Оренбургские впечатления Пушкина и «Медный всадник»⁸⁴, видя в поэме много оренбургского: штурм города пугачевцами, просторечия в языке и т. п.

Пушкин, думается, стал использовать некоторые тюркские слова в «Истории Пугачева» (например, аманат — заложник), «Капитанской дочке» (например, буран) после поездки по Оренбургской губернии, общения с людьми, хорошо знающими степь и вообще Восток (например, Левшин, Даль и др.). Уверенность в этом придают и многочисленные тюркские слова, вошедшие в «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля⁸⁵. В их числе такие слова, как аманат — заложник, аркан — веревка, аул — село, бешмет — стеганка, боран, буран — вьюга, бязь — азиатская ткань, есыр — пленный холоп, зетин — маслины, камча — нагайка, капкан, караван, корган — курган, лачуга — хижина, майдан — площадь, малахай — шапка, мурза — князь, орда — кочующее племя, очаг — «огнище», султан, сундук; сырт — гряда, возвышенность; тамга — клеймо, тубетейка — ермолка, узек — проток, урак — серп, уран — ключ, халат, халва, хан; худук — колодезь, чабак — лещ, чалма, чапан, чекмен; чляк — кадочка, ведро; чняк — миска, чирки — башмаки, чубук — ветка, чурек — лепешка, шайтан — черт, шатер — палатка; шашлык; шерт — присяга, юрт — владенье, земля; яман — плохой, ям — селенье («ямщик — крестьянин на яму, для почтовой гоньбы на своих лошадях»), японча — плащ, ярлык — грамота, ясаул — помощник и др.

Эти слова, должно быть, часто встречались в речи той части русского населения (например, уральских казаков), которая больше соприкасалась с тюркскими народами. Любопытно, что Даль своего сына-первенца

⁸³ Соколов Д. Н. Оренбургские впечатления Пушкина и «Медный всадник». — В кн.: Пушкин и его современники, с. 88; Прянишников Н. Пушкин в Оренбурге. — В кн.: Пушкин в Оренбурге, с. 36.

⁸⁴ Пушкин и его современники, с. 88—97.

⁸⁵ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т.

назвал двойным именем Лев-Арслан («арслан» по-тюркски — лев)⁸⁶.

Толковый словарь Даля был издан после смерти Пушкина, но вполне возможно, что оренбургский гид-поэта объяснил ему значение некоторых тюркских («оренбургских») слов во время бесед с ним в Оренбурге, если учесть привычку Даля пропагандировать богатство русского разговорного языка при любом удобном случае, как это делал он, например, в 1837 г., сопровождая Жуковского во время его поездки по Оренбургской губернии с цесаревичем⁸⁷.

Примечательно, что Пушкин проявлял интерес к тюркским языкам, об этом свидетельствуют записанные им «турецкие» (тюркские) слова⁸⁸. В произведениях поэта встречается много тюркских слов. Пушкинский буран отмечают многие⁸⁹. Даже в самом названии «Оренбург» заложено тюркское слово «Орь» (Верхняя) — речка Орь, впадающая в Урал.

Даль, должно быть, рассказал Пушкину так много интересного, что поэт посоветовал своему слуге: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман»⁹⁰. В связи с этим некоторые исследователи не без основания предполагают, что неосуществленный замысел Даля написать «уральский роман» и «киргизскую повесть» возник под влиянием Пушкина⁹¹.

По справедливому утверждению Н. Н. Модестова, В. И. Даль посвятил Оренбургскому краю «самую лучшую пору своей жизни и изучил его во всех подробностях — со стороны исторической, этнографической и бытовой»⁹².

⁸⁶ Юлдашбаев С. Г. Этнографические исследования жизни народов Оренбургского края В. И. Далем. — В кн.: Исследования и исследователи Оренбургского края..., с. 182.

⁸⁷ Пушкин и его современники. Петроград, 1916, с. 89.

⁸⁸ Дмитриев Н. К. Несколько турецких слов в записи Пушкина. — Литературное наследство, кн. 16—18. М., 1934, с. 319—320; Михайлов М. С. Произведения А. С. Пушкина на турецком языке. — Труды Московского института востоковедения, 1951, VI, с. 149—150.

⁸⁹ См., например, Порудоминский В. Про Владимира Ивановича Даля и его словарь. М., 1979, с. 14; Захарьин И. Н. (Якуни). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901 (описание степных буранов).

⁹⁰ Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950, с. 455.

⁹¹ Евстратов Н. Г. Русские писатели в Казахстане, с. 60.

⁹² Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. — Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 57.

Что касается Востока в общении Даля и Пушкина, то к вышесказанному следует добавить, что, показывая город и его окрестности, Даль, должно быть, комментировал и назначение мест, имеющих отношение к Азии (Меновой двор, Каргалинская слобода, Гостинный двор и др.), тем более, что, по словам Н. Н. Модестова, оренбургский «Меновой двор нашел в Дале самого лучшего своего бытописателя»⁵³. Впоследствии Даль дал колоритное описание Менового двора в своей повести «Бикей и Мауляна». Возможно, Даль говорил поэту и о замыслах своих художественных произведений на казахские, башкирские и другие темы, о предстоящих экспедициях в Среднюю Азию и т. д.

Итак, дружба и взаимообращение Даля и Пушкина, наряду с многочисленными положительными последствиями этих отношений, заключали в себе и то, что В. И. Даль служил для поэта одним из источников информации о народах степей, Средней Азии и Востока вообще.

В. А. ПЕРОВСКИЙ

Успеху оренбургской поездки А. С. Пушкина во многом способствовал оренбургский военный губернатор Василий Алексеевич Перовский (1794—1857) — сложная, противоречивая и вместе с тем незаурядная личность своего времени. У него остановился Пушкин в Оренбурге, с ним был в приятельских отношениях⁵⁴. Поэт был в дружбе и сотрудничал со старшим братом В. А. Перовского Алексеем (1787—1836)⁵⁵ — писателем, известным под псевдонимом «Антоний Погорельский».

В Оренбурге А. С. Пушкин находился под полным покровительством В. А. Перовского. То, что поэт остановился в доме военного губернатора имело большое значение для выполнения поэтом своей миссии, если даже не принимать во внимание их приятельские отношения. Как отмечает Д. Н. Соколов, Пушкин сумел собрать обширный материал о Пугачеве благодаря покровительству губернаторов и содействию местной интеллигенции⁵⁶. Повторяя эту мысль, Д. Н. Соколов пишет:

⁵³ Там же, с. 56.

⁵⁴ Вересаев В. Слутники Пушкина, т. 2. М., 1937, с. 409—410. Порудоминский Владимир. Даль. М., 1971, с. 146.

⁵⁵ О четырех братьях Перовских см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 305—307; Вересаев В. Слутники Пушкина. М., 1937, т. 2, с. 409—410; и др.

⁵⁶ Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. — В кн.: Пушкин и его современники, с. 67—68.

«...обеда у губернаторов как бы входили в программу путешествия у Пушкина. Поступал он так, может быть, не без умысла, желая показать этим недоверчивой публике тогдашней провинции, что он ездит и производит расследования с ведома и при содействии администрации, а не с какими-либо нелояльными целями»⁹⁷.

Эти слова справедливы лишь по отношению к оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому. Например, нижегородский военный губернатор М. П. Бутурлин, несмотря на то, что внешне радушно принял А. С. Пушкина у себя, поспешил сообщить В. А. Перовскому о необходимости установить надзор за поэтом согласно указанию свыше. Еще до этого он высказал тому же В. А. Перовскому свое предположение, что поэт едет не за материалами о Пугачевском бунте, а за сбором «сведений о неисправностях» и просил своего коллегу быть осторожнее с ним.

Так что, если кто из губернаторов помогал А. С. Пушкину, то только В. А. Перовский. Он проявил не только гостеприимство, но и оказал широкое содействие Пушкину в сборе материалов по истории Пугачевского восстания. И то, что поэт в 1835 г. подарил ему «Историю Пугачева», надо думать, было больше, чем простая вежливость.

Губернатор поручил атаману Берды сотнику И. В. Гребенщикову собрать «старожилов, помнящих Пугачевщину»⁹⁸, с которыми Пушкин долго беседовал. Ссылаясь на фразу из письма А. С. Пушкина В. А. Перовскому — «в память прогулки нашей в Берды» (речь идет об «Истории Пугачевского бунта», подаренной автором губернатору в 1835 г.), А. С. Попов высказал предположение об участии Перовского в поездке в Берды⁹⁹. По сообщению дореволюционного оренбургского историка П. Юдина, В. А. Перовский не только кормил поэта «роскошными обедами и поил на славу», но и передал ему «из своей канцеляции все дела о Пугачеве, и Пушкин их увез с собой»¹⁰⁰. После Оренбурга поэт направился в Уральск. Славный прием, оказанный ему

⁹⁷ Там же, с. 81.

⁹⁸ Там же, с. 74.

⁹⁹ Попов С. А. (буклет). Путешествие А. С. Пушкина в Оренбургский край (1978). Ю. Л. Славянский эту догадку считает интересной, хотя и не бесспорной (Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980, с. 116).

¹⁰⁰ Шнейдер А. Его величество факт. Заметки архивиста. — Новый мир, 1979, № 7, с. 250.

в Уральске 22 и 23 сентября 1833 г. казачьим атаманом В. О. Покатиловым, о чем писал поэт своей жене («Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье..., наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной...» и т. д.)¹⁰¹, тоже считается был устроен по «подсказке» В. А. Перовского¹⁰².

Беседы Пушкина и Перовского за обедом, особенно 19 сентября 1833 г. в городской квартире губернатора (ныне — ул. Советская, 32), думается, состояли не только из расспросов Перовского о поэте, Петербурге и т. п. Губернатор мог рассказать Пушкину немало интересного о взаимоотношениях России с азиатскими странами.

Утром 20 сентября 1833 г. А. С. Пушкин проснулся от громового хохота В. А. Перовского, вызванного письмом нижегородского военного губернатора М. П. Бутурлина, в котором он писал: «У нас недавно проезжал Пушкин. Я зная, кто он, обласкал его, но, должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами о Пугачевском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях. Вы знаете мое к Вам расположение; я почел долгом посоветовать, чтобы Вы были осторожнее»¹⁰³.

Хохот Перовского был лучшей оценкой чрезмерного усердия нижегородского военного губернатора. А то, что с содержанием письма тут же был ознакомлен Пушкин, говорило об их дружеских отношениях. Но Перовскому пришлось еще раз и более решительно защищать Пушкина от царских слуг.

Тот же М. П. Бутурлин, усердно выполняя служебные обязанности, вторично обращаясь к Перовскому насчет Пушкина, сообщал секретным письмом от 9 октября 1833 г., что за поэтом свыше установлен секретный полицейский надзор, и просил В. А. Перовского установить такой же «секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением» Пушкина в Оренбургской губернии. На этом послании В. А. Перовский сделал

¹⁰¹ Пушкину подали присоленную свежую икру, вынутую из только что пойманной рыбы. Любопытно, что уральские казаки («уральцы»), живущие на территории Каракалпакской АССР с 1875 г., и сейчас готовят икру подобным образом.

¹⁰² Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980. с. 68, 70—71.

¹⁰³ Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXIII—XXIV, с. 83.

следующую пометку: «Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий»¹⁰⁴. В таком же духе В. А. Перовский написал М. П. Бутурлину ответное секретное письмо от 24 октября 1833 г.¹⁰⁵

Итак, В. А. Перовский полностью брал поэта под свою защиту, хотя он не давал особого повода для беспокойства властей. Но если бы в Оренбурге военным губернатором был, допустим, тот же М. П. Бутурлин, кто знает, как бы он оценил повышенный интерес Пушкина к пугачевцам; испугались же старики распросов поэта о Пугачевщине — запретной теме с давних пор. Как бы то ни было, покровительство Перовского содействовало плану Пушкина по сбору материалов по истории Пугачева в Оренбургской губернии и оградило поэта от придирок царских ищеек. Какой парадокс: Бутурлин принимал Пушкина за ревизора в то время

¹⁰⁴ Вересаев В. Пушкин в жизни. 6 изд., т. 2, с. 174.

¹⁰⁵ Государственный архив Оренбургской области. — «Дело № 78 «Об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим временно в Оренбург поэтом титулярным советником Пушкиным». Началось — 23 октября 1833 г. Решено — 24 октября 1833 г. До этого было «Дело № 142 о учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного советника Пушкина», начатое 17 октября 1833 г. и законченное 30 октября 1833 г. канцелярией казанского военного губернатора. Оно состояло из двух листов и содержало письмо нижегородского военного губернатора от 9 октября 1833 г. за № 333 казанскому военному губернатору об установлении полицейского надзора за образом жизни и поведением поэта в соответствии с письмом санкт-петербургского оберполицеймейстера от 20 сентября 1833 г. за № 264 и ответное письмо казанского военного губернатора № 8327 от 30 октября 1833 г. о том, что Пушкин прибыл в Казань 6 сентября и уехал в Оренбург 8 сентября (Русская старина, 1882, январь, с. 223—226). Казанский губернатор на всякий случай дал указание казанскому полицмейстеру установить надзор за Пушкиным, если он вернется в Казань. Но предписания об установлении секретного полицейского надзора за Пушкиным явно запаздывали.

Ответ Перовского был очень смелым для него. Позже, в 1835 г., когда прибыло письмо от министра внутренних дел по поводу установления секретного надзора за декабристом А. А. Фоком, Перовский не проявил усердия ни по его защите, ни по ужесточению надзора за ним, ограничившись исполнением служебных формальностей (Большаков Леонид. Отыскал я книгу славную.— Челябинск, 1983, с. 276—277).

как сам вскоре убедился, что, наоборот, за поэтом установлен полицейский надзор. Так что испуг чиновников быстро прошел. Пушкина боялись прежде всего цари (Александр I, Николай I), а не только чиновники и царские слуги вроде Нессельроде, Бенкендорфа, Бутурлина.

Широко распространено мнение, что письма М. П. Бутурлина легли в основу «Ревизора» Гоголя. Современники поэта и пушкинисты, в частности В. А. Соллогуб и П. И. Бартенев, считают, что Пушкин рассказал Гоголю о содержании письма нижегородского военного губернатора, а писатель на этой основе создал свою знаменитую комедию¹⁰⁶. В. А. Соллогуб, пересказывая содержание письма Бутурлина Перовскому, в котором он призывал остерегаться «ревизорской» миссии поэта, пишет, что «Пушкин называл себя всегда крестным отцом» «Ревизора» Гоголя и добавляет, что и сюжет «Мертвых душ» был подсказан поэтом¹⁰⁷. Это признавал и сам Гоголь¹⁰⁸.

Надо отдать должное В. А. Перовскому: он не изменял своим симпатиям к А. С. Пушкину до конца жизни поэта. Проводя зиму 1836—1837 гг. в Петербурге, В. А. Перовский пытался предотвратить гибель Пушкина: он вместе с М. Ю. Вельгорским до утра прождал князя П. А. Вяземского в его доме, чтобы обсудить, какие надо принять меры по поводу письма Пушкина, посланного Геккерену-старшему, но не дождался князя¹⁰⁹; был в числе генерал-адъютантов, участвовавших в похоронных церемониях поэта¹¹⁰.

Как уже отмечалось, В. А. Перовский был незаурядным человеком. С одной стороны, это типичный царский генерал и администратор, активный проводник колонизаторской политики царизма, с другой,— человек очень близкий к прогрессивным людям России. Он родился в 1794 г. (по некоторым данным — в 1795 г.), участник Отечественной войны 1812 г., в 1816 г. — адъютант великого князя Николая Павловича (будущего царя Николая I), в 1825 г. — флигель-адъютант, в 1828 г. — генерал-майор свиты, участник русско-турецкой войны, в 1829 г. — генерал-адъютант, в 1833—1842 гг. — генерал-лейтенант и оренбургский военный губернатор, в 1843 г. — генерал от кавалерии, в 1846 г. — член Госу-

¹⁰⁶ Пушкин в Оренбурге, с. 32.

¹⁰⁷ Граф В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., 1930, с. 516.

¹⁰⁸ Вересаев В. Пушкин в жизни, 6 изд., т. 2, с. 223.

¹⁰⁹ Там же, с. 373.

¹¹⁰ Там же, с. 452.

дарственного совета. С марта 1851 г. до 1857 г. — оренбургский и самарский генерал-губернатор¹¹¹. В 1853 г. Перовский за взятие Ак-мечети (впоследствии форт Перовский, ныне Кзыл-Орда) был возведен в графское достоинство, имел и другие награды. В 1857 г. по болезни он был уволен с поста оренбургского генерал-губернатора и 8 декабря того же года скончался в Крыму¹¹².

В. А. Перовскому, внебрачному сыну графа Алексея Кирилловича Разумовского (Перовский тяжело переживал свое незаконное происхождение и фамилию получил от названия подмосковного села Перово, имения Разумовского) крупно повезло, что он попал в адъютанты будущего царя. Но судя по анкете Перовского, после воцарения Николая I (1825 г.) его служба проходила вдали от двора.

Перовский был связан с декабристским движением в его начальный период, был хорошо знаком и поддерживал связи с его участниками. Так было до 1818 г.

Историки царского времени стараются не упоминать о том, что В. А. Перовский в юности был членом тайного общества московской молодежи, мечтал о республике в России в духе Руссо, а вернувшись из Франции после победы над Наполеоном, подобно многим гвардейским офицерам, вступил в тайное декабристское военное общество «Союз благоденствия», в котором состоял в 1817—1818 гг.¹¹³

Биографы В. А. Перовского не пишут, за что он был «контузен поленом на Сенатской площади» 14 декабря 1825 г.¹¹⁴ Следственная комиссия по делу декабристов оставила Перовского без внимания. 14 декабря 1825 г. он не был на стороне декабристов; наоборот, после бунта он вместе с другими «устанавливал порядок» на Сенатской площади¹¹⁵. Здесь, вероятно, его и хватали

¹¹¹ До 1851 г. оренбургский генерал-губернатор назывался военным губернатором. Многие во всех случаях ошибочно пишут только «генерал-губернатор». Первым генерал-губернатором Оренбурга был В. А. Перовский (во второй приезд в Оренбург).

¹¹² Захарьин И. Н. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901, ч. I, с. 1—14 (глава «Биография графа Перовского»).

¹¹³ Аюв Николай. Ак-мечеть (исторический роман). Оренбург, 1958, с. 24; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 306.

¹¹⁴ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 4; ч. II, с. 85—86.

¹¹⁵ Давыдов Денис. Военные записки. М., 1983, с. 344.

поленом. Вместе с тем великий князь Николай Павлович (с 1825 г. царь Николай I) записал накануне декабрьского восстания 1825 г. в своем дневнике: «Сегодня я дал В. Перовскому крест, а он, встретясь, даже не поблагодарил меня»¹¹⁶. Отношения Николая и В. Перовского в целом неплохие, несколько охладели после того, как великий князь стал царем.

А вот что пишет В. А. Перовский своему другу В. А. Жуковскому, который при Николае I еще больше возвысился при дворе: «Два слова о тебе. Занятия твои меня пугают: мне кажется, что ты — как Жуковский — потерян теперь для друзей, как давно уже для них потерян, как поэт»¹¹⁷.

О тревогах В. А. Перовского в год восстания декабристов и вместе с тем о самостоятельности и смелости его суждений свидетельствуют следующие строки из письма В. А. Жуковскому, написанного предположительно в 1825 г.: «...я прошу в отставку — и прошу убедительно; откажут — это будет мне лестно, но не весьма приятно; согласятся — будет приятно, но не так лестно. Но я предпочитаю приятность без лести — лести без приятности. Притом же, двор я никогда не считал для себя надежною пристанью»¹¹⁸.

«Двор я никогда не считал для себя надежною пристанью», — эти слова многозначительны даже в устах бывшего адъютанта Николая I. И чем дальше от двора, тем дерзновеннее В. А. Перовский.

Временами Перовский излагал крамольные суждения. В письме В. А. Жуковскому от 1 января 1828 г. из Екатеринодара он пишет: «Ты не поверишь, до какой степени черноморские аристократы притесняли народ! Турецкие пашы никогда не налагали таких тяжестей на бедных греков...»¹¹⁹ Как видим, в порыве гнева Перовский считает царских чиновников на Кавказе хуже своих врагов турков. Пренебрежение к аристократам Перовский высказывал и позднее. В письме А. Я. Булгакову от 16 августа 1853 г. он писал: «Русский народ не изменился, он все тот же, как был и в 1812 году, но дворянство неузнаваемо. Как же будем мы продолжать войну, если высшие классы тяготятся ею с самого начала!»¹²⁰

¹¹⁶ Захарьян И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 81.

¹¹⁷ Там же, с. 97.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, с. 102.

¹²⁰ Там же, ч. II, с. 189.

В 1828 г. В. А. Перовский интересуется в письме к В. А. Жуковскому бранью редактора «Инвалида» А. Ф. Воейкова (редактировал в 1822—1838 гг.) с «недобросовестным Булгариным», и беспокоится за судьбу Воейкова¹²¹. Такая оценка Ф. В. Булгарина совпадала и с оценкой, данной ему А. С. Пушкиным и другими передовыми людьми России.

Вероятно, в эти годы отношения Пушкина и братьев Перовских были очень близкими. Перовские входили в число лиц, которым поэт намеревался послать свои визитные карточки к новому 1830 г.¹²²

Но царская семья, хотя и для проформы, не забывала о В. А. Перовском. В своем «Дневнике» Пушкин отмечает (1834), что государыня, узнав о его поездке в Оренбург, «осведомлялась о Перовском с большим добродушием»¹²³.

В 1837 г. В. А. Перовский в письме к А. Я. Булгакову интересовался кавказскими делами и спрашивал: «Какая причина немилости императора к Николаю Муравьеву?»¹²⁴ (очевидно, к тому, который в свое время был послан в Среднюю Азию генералом А. П. Ермоловым, был близок к декабристам, впоследствии наместник Кавказа и т. п.).

Любопытно отношение В. А. Перовского к писателю-декабристу Александру Александровичу Бестужеву-Марлинскому (1797—1837), автору повестей «Аммалат-Бек» и «Мулла Нур», посвященных описанию жизни горцев и природы Кавказа. А. А. Бестужев, второй из пяти братьев-декабристов¹²⁵, был сослан сначала в Финляндию, затем в Якутск сроком на 20 лет, но с сентября 1829 г. служил рядовым на Кавказе, где затем был произведен в офицеры.

Декабрист Андрей Евгеньевич Розен (1799—1884) в своих мемуарах «Записки декабриста» пишет: «В. А. Перовский, тогда генерал-губернатор Оренбургский, просил государя о переводе Бестужева в Оренбургский край, чтобы описать край и знакомить читателей с кочующими жителями степей, на что получил ответ, —

¹²¹ Там же, ч. I, с. 105.

¹²² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 322—326.

¹²³ Пушкин А. С. Соч., М., 1948, с. 839.

¹²⁴ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 160.

¹²⁵ Казненный декабрист Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826) — однофамилец пятерых братьев-декабристов Бестужевых.

что Бестужева следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее»¹²⁶. Это ходатайство В. А. Перовского — еще одно свидетельство его благосклонности, симпатии к передовым людям России.

А. А. Бестужев же, вторично произведенный в офицеры (как декабрист был лишен офицерского и другого звания), адъютант начальника штаба корпуса генерала В. Д. Вольховского, бросился в бой, не рассчитав своих возможностей, был поражен пулями, а затем изрублен шашками черкесов¹²⁷.

Горцы, зарубившие А. Бестужева 7 июня 1837 г. в сражении близ мыса Адлер, конечно, видели в нем только царского офицера, своего врага. Если бы они знали, что перед ними — декабрист, поднявший руку на самого царя, писатель, воспевший в своих повестях природу гор и свободолюбивых кавказцев («Пушкин прозы»), человек, знавший «татарский» язык и друживший с местным населением (в том числе и с выдающимся азербайджанским писателем Мирза Фатали Ахундовым)¹²⁸, популярный в Дербенте под именем Искандер-бек, может быть, застыли бы их руки с поднятыми шашками? Кто знает¹²⁹. А. Бестужев сам стремился в бой, словно искал смерти¹³⁰. Этого желало и царское правительство. Вот такого человека хотел видеть у себя в Оренбургском крае Перовский.

---

¹²⁶ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. I. М., 1980, с. 205. Николай I и на ходатайство Г. В. Розена о списании к А. А. Бестужеву-Марлинскому и освобождению его от службы ответил: «Гораздо лучше его оставить там и подальше от прочих» (Вано Шадури. Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов (Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В. Д. Вольховском). Тбилиси, 1979, с. 41).

¹²⁷ Там же, с. 204—205. Об А. А. Бестужеве еще см.: Там же, т. II. М., 1980, с. 119—183.

¹²⁸ Об отношении А. Бестужева к азербайджанской литературе см.: Курбанов Шихали. Этапы развития азербайджанско-русских литературных связей в XIX веке. Изд. 3-е. М., 1976, с. 112—124.

¹²⁹ Один из современников А. А. Бестужева пишет, что позже черкесы, узнав о случившемся сожалели, что убили «поэта-сочинителя», но расценили это по-своему: они могли бы получить от русского царя выкуп мешок золота за офицера-писателя (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1980, т. II, с. 175).

¹³⁰ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. II, с. 135, 174, 378.

По-разному сложились отношения В. А. Перовского с петрашевцами. Лиценст А. М. Унковский (1828—1893) создал сатирическое произведение «Поход в Хиву» (либретто к музыкальной комедии), в котором высмеивал Перовского и отрицательно оценивал его Хивинский поход. За это и за связь с М. В. Петрашевским А. М. Унковский был исключен из лица в 1844 г.¹³¹

В. А. Перовский в 1849 г. был председателем Военно-судной комиссии по делу петрашевцев¹³². Должно быть, он не забывал и личного оскорбления, отправляя «царское правосудие». Суд, на котором председательствовал Перовский, приговорил, например, к смертной казни (впоследствии замененной ссылкой) поэта-петрашевца А. Н. Плещеева (1825—1893).

И в то же время сосланный в Оренбургский край рядовым в линейные батальоны А. Плещеев в составе войск В. А. Перовского штурмом брал кокандскую крепость Ак-мечеть и был произведен в унтер-офицеры¹³³. А писатель Г. П. Данилевский (1829—1890), арестованный (но выпущенный через два с половиной месяца) по делу петрашевцев, в романе «Сожженная Москва» вывел героем В. А. Перовского¹³⁴.

И, наконец, завершая рассказ об отношениях В. А. Перовского к русским революционерам разных поколений отметим, что внучатая племянница В. А. Перовского — Софья Львовна Перовская (1853—1881) — дочь петербургского губернатора и товарища министра внутренних дел России — была известной русской революционеркой, с шестнадцати лет примкнула к революционному движению, организовала и участвовала в покушении на Александра II в 1881 г., за что была арестована и повешена. В. А. Перовский, может быть, тут и не при чем. Но факт достоин упоминания.

¹³¹ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 209.

¹³² Там же, с. 343; Анов Николай. Ак-мечеть, с. 336.

¹³³ О пребывании А. Плещеева в Оренбургском крае см.: Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 343—369 (глава седьмая — «Поэт-петрашвец А. Н. Плещеев в Казахстане»); Дейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы. М., 1965; Анов Николай. Ак-мечеть; Глумов А. Судьба Плещеевых (ист. роман). М., 1982, с. 458—463. Стихи А. Н. Плещеева, в том числе знаменитые стихи «Травка зеленеет, солнышко блестит; Ласточка с весною в сени к нам летит...», см.: «Под большим шатром голубых небес» (Стихи русских поэтов). Свердловск, 1982, с. 115—124.

¹³⁴ Анов Николай. Ак-мечеть, с. 325, 333. Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. VII, 112—113.

Особого внимания заслуживают отношения Перовского и Даля.

Биограф В. И. Даля Н. Н. Модестов пишет: «Как человек просвещенный, Перовский любил окружать себя людьми образованными и чем-либо заявившими себя в литературе и науке и поэтому, собираясь к месту своего назначения — в Оренбург, пригласил с собой и Даля в качестве чиновника особых поручений при нем»¹³⁵. Даль охотно согласился, тем более что у него из-за опубликованных сказок обострились отношения с Третьим отделением и он даже просидел полдня под арестом¹³⁶. В мае 1833 г. он уже был переведен в распоряжение В. А. Перовского, но из-за женитьбы прибыл в Оренбург в конце июля 1833 г.¹³⁷ «Василий Алексеевич Перовский, — пишет далее Н. Н. Модестов, ссылаясь на «Русскую старину» (май 1896 г.), — оставил в Оренбурге наилучшую память о себе как одном из самых просвещенных и деятельных начальников, при котором служили такие известные лица, как писатель В. И. Даль, ориенталист В. В. Григорьев, географ и путешественник Н. В. Ханыков и др.»¹³⁸

Возможно, священник Н. Н. Модестов односторонне характеризует оренбургскую деятельность В. А. Перовского, не говоря о том, что оренбургский военный губернатор был прежде всего проводником царской политики на Юго-Востоке России. Но он прав, сообщая факты о покровительстве В. А. Перовского названным деятелям литературы и науки России. Дружба В. А. Перовского с В. А. Жуковским¹³⁹, его теплые отношения с А. С. Пушкиным подтверждают это мнение.

Перовский многое доверял Далю. Открытое предписание В. А. Перовского, выданное В. И. Далю 28 июля 1839 г. за № 2131, составленное на русском и «татарском» языках, обязывало всех без исключения представителей власти на территории Оренбургской губернии, включая султанов и глав башкирских селений, оказывать ему содействие в выполнении поручений Перовского¹⁴⁰. Даль, возможно, имел такой мандат и до 1839 г.

¹³⁵ Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXVII, с. 14.

¹³⁶ Там же, с. 12.

¹³⁷ Там же, с. 21.

¹³⁸ Там же, с. 14.

¹³⁹ Об этом см.: Вестник Европы, 1901 г., апрель, с. 524—552.

¹⁴⁰ Текст этого документа см. Труды Оренбургской Ученой Комиссии. Вып. XXVII, с. 35.

Но даже при отсутствии такого документа В. И. Даль как чиновник особых поручений оренбургского военного губернатора имел широкие возможности изучить край, быт и нравы народов всей губернии; а этими сведениями Далья, думается, не преминул воспользоваться и Пушкин.

Н. Н. Модестов предполагает, что В. А. Перовский очень ценил служебные способности В. И. Далья¹⁴¹. Будучи чиновником особых поручений при Перовском, Даль в то же время состоял личным секретарем военного губернатора. Перовский поручал ему важные задания и не давал ему «долго засиживаться в Оренбурге»¹⁴².

На время поездки в Петербург в 1836 г. Перовский взял с собой Далья. Здесь Даль в течение трех дней находился около умирающего Пушкина. В 1839 г. по ходатайству Перовского Далья были пожалованы земли в Оренбургской губернии (которых, правда, Даль почему-то не получил)¹⁴³. Покидая пост военного губернатора, Перовский, устроил Далья в Петербург к своему брату Льву Алексеевичу Перовскому — министру внутренних дел. Здесь Даль стал служить с лета 1841 г.¹⁴⁴

Близкие, дружеские отношения связывали В. А. Перовского с Василием Андреевичем Жуковским (1783—1852)¹⁴⁵. В. А. Жуковский неустанно заботился, помогал лучшим людям России. Используя свою близость к царскому двору, он неоднократно выручал А. С. Пушкина; заступался за М. Ю. Лермонтова, опекал Н. В. Гоголя, поддерживал Е. Баратынского, А. И. Герцена, покровительствовал А. Кольцову, содействовал избавлению от крепостной кабалы Т. Шевченко, помогал ссыльным декабристам, хотя и не разделял взглядов последних.

Всю жизнь В. А. Перовский дружил с В. А. Жуковским, благодаря ему сблизился с А. С. Пушкиным и многими другими передовыми людьми того времени¹⁴⁶. Лишь раз возникла размолвка, когда они оба влюбились в графиню С. А. Самойлову. Но мягкий Жуковский, отказавшись от своих притязаний на Самойлову,

¹⁴¹ Там же, д. 23.

¹⁴² Там же, с. 32.

¹⁴³ Там же, с. 66—68.

¹⁴⁴ Там же, с. 72—74.

¹⁴⁵ 9 февраля 1983 г. отмечалось 200-летие со дня его рождения. См., например, Правда, 1983 г., 8 февраля; Литературная газета, 1983 г., 9 февраля.

¹⁴⁶ Захарьин И. Н. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901, ч. I, с. 76—114 (глава «Дружба Жуковского с Перовским»).

свел дело на мировую, о чем даже написал стихотворение «В. А. Перовскому»¹⁴⁷. Друзья имели обширную переписку.

Придворное положение В. А. Жуковского, надо сказать, имело две стороны. Благодаря этому помощь и поддержка передовых людей России со стороны Жуковского были эффективными и результативными. Вместе с тем литературные друзья В. А. Жуковского не без основания называли его «придворным певцом», «поэтическим царедворцем»¹⁴⁸. Его верноподданнические чувства¹⁴⁹ обусловили сложные отношения к нему многих, в частности декабристов. Находясь в ссылке, декабристы, как вспоминает М. А. Бестужев, распевали на свой лад стихи Жуковского, написанные в 1828 г. на смерть Марии Федоровны, жены Павла I. Стихи Жуковского заканчивались словами: «Благодарим, благодарим тебя, за жизнь твою меж нами!» Ссылные же декабристы пели хором: «Благодарим, благодарим, что ты отправилась к своим (праотцам)»¹⁵⁰.

Приведенные выше явно промонархические строчки Жуковского использовались и позднее, в частности редакция «Русской старины» верноподданнически рекомендовала своим читателям мысленно начертать их на гробнице другой императрицы — жены Александра II, Марии Александровны, умершей в 1880 г.¹⁵¹

К слову сказать, как ни превозносил В. А. Жуковский императрицу Марию Федоровну, она не упомянула поэта в числе многочисленных родных и приближенных, кому завещала свои богатства накануне смерти¹⁵².

¹⁴⁷ Жуковский В. А. Избранное. Л., 1973, с. 111—113. Стихотворение это написано в 1819 г.

¹⁴⁸ Рождественский Вс. В созвездия Пушкина. М., 1972, с. 35.

¹⁴⁹ В. А. Жуковский был чтецом при матери Александра I, учителем жены Николая I, воспитателем наследника престола (будущего царя Александра II), сочинял хвалебные стихи, посвященные членам царской семьи и т. п. — Жуковский В. А. Избранное. Л., 1973 (Из вступительной статьи И. М. Семенко «Жизнь и поэзия Жуковского»). Подробный план учения государя великого князя наследника цесаревича. 1826. Составил Василий Андреевич Жуковский. 1826. — Русская старина, 1880, февраль, с. 227—253; К. П. «В. А. Жуковский». — Там же, с. 254—268.

¹⁵⁰ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. I, с. 121.

¹⁵¹ Русская старина, май, 1881, с. 131.

¹⁵² Завещание императрицы Марии Федоровны. — Русская старина, январь, 1882, с. 87—132. Императрица Мария Федоровна. — Русская старина, май, 1882, с. 319—388.

Борис Мейлах убедительно и объективно раскрыл сходство и различие художественных систем и мировоззрений Пушкина и Жуковского¹⁵³. Будучи друзьями и высоко ценя творчество друг друга, эти поэты, однако, придерживались разных взглядов на общественное устройство и представляли разные литературные направления.

В. И. Даль собирал тюркские рукописи, В. А. Жуковский занимался «восточными переводами»¹⁵⁴. Восток в поэзии Жуковского — это специальная тема, отметим лишь благотворное влияние поэта на Пушкина и в этом плане (сравним, например «Светлану» Жуковского и «Сказку о царе Салтане» Пушкина).

Отношения Жуковского и Перовского — это еще один штрих, подчеркивающий незаурядность личности последнего.

Многие историки и современники отмечают заботливое отношение Перовского к передовым людям своего времени. Оренбургский историк П. Юдин писал о нем: «...особенно покровительствовал ученым и литераторам, будучи сам не чужд литературных занятий»¹⁵⁵.

Перовский проявлял живой интерес к науке, поддерживал тесные связи с учеными. В Хивинский поход 1839—1840 гг. Перовский взял с собой специальную «ученую команду», куда входили В. И. Даль, Н. В. Ханыков, П. Чихачев, Э. Эверсман. Это были высокообразованные и передовые люди своего времени. О Дале уже говорилось. Э. А. Эверсман — впоследствии крупный ученый-натуралист¹⁵⁶. Э. Эверсман, например, знал «татарский», арабский и персидский языки. Под видом купца он посетил Бухару в 1820 г. в составе дипломатического посольства А. Ф. Негри; участвовал в экспедиции Ф. Ф. Берга на Устюрт в 1825—1826 гг. и оставил ценнейшие натурологические наблюдения; является автором «Reise von Orenburg nach Buchara» (Berlin,

¹⁵³ Мейлах Борис. Таинская. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 89—106.

¹⁵⁴ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, с. 256.

¹⁵⁵ Цит. по ст. А. Шмидлера «Его величество факт». — Новый мир, 1979; № 7, с. 250. В. А. Перовский написал неоконченное сочинение «Плен», отредактированное В. А. Жуковским (Захарьин и И. Н. (Якулин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901, ч. I, с. 14).

¹⁵⁶ О нем см.: Гейтнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсман. 1794—1860. М., 1940. Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963.

1823), «Естественной истории Оренбургского края» (Оренбург, 1840) и других трудов.

Платон Александрович Чихачев, как и его старший брат Петр, был известным ученым¹⁵⁷. Их отец Александр Петрович Чихачев был первым директором Гатчинского дворца, где бывали А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, жил Н. М. Карамзин¹⁵⁸.

Еще до участия в Хивинском походе 1839—1840 гг. Платон Чихачев побывал во многих странах Европы, Америки, был близко знаком с известным немецким ученым и путешественником Александром Гумбольдтом. Следуя его совету, объездил всю Америку и стал одним из первых русских исследователей этого континента. Узнав в Буэнос-Айресе в 1838 г. о планах проникновения англичан в Среднюю Азию с юга, Платон Чихачев решил попасть в этот край с севера и не без труда добился своего участия в Хивинской экспедиции В. А. Перовского¹⁵⁹. После Хивинского похода Платон Чихачев занялся изучением Пиренеев.

Платон Чихачев — доброволец-участник русско-турецкой войны (1829 г.), член учредительного Русского географического общества. В 1839 г. не получил поддержку царского правительства в своих попытках исследовать Алтай, Среднюю Азию, Тибет (особенно препятствовал его замыслам министр иностранных дел России граф К. Р. Нессельроде). По этому поводу Платон Чихачев позднее писал: «То было странное время, период, так сказать, скрытого гонения на все, что могло привести к освещению почти неизвестного материка и вполне естественных и столь важных интересов России на Востоке»¹⁶⁰.

Петр Чихачев был одним из первых русских исследователей Турции, Италии, Франции и других стран Европы и Малой Азии. Он был близко знаком с писателем А. К. Толстым, декабристом Н. И. Тургеневым, художниками К. П. Брюлловым, И. К. Айвазовским, А. Гумбольдтом. В 1890 г. была опубликована статья

---

¹⁵⁷ О Петре и Платоне Чихачевых см.: Чихачев П. (Петр) А. Страница о Востоке. М., 1982; Цыбульский В. Необычные судьбы.— Неделя, 1979, № 3, с. 12—13, 15; и др.

¹⁵⁸ В некоторых публикациях его уход с этого почетного поста связывается с тем, что его жена была в родстве с казненным декабристом М. П. Бестужевым-Рюминным.— Неделя, 1979, № 34, с. 12.

¹⁵⁹ Цыбульский В. В. Предисловие к кн.: Чихачев П. А. Страница о Востоке. М., 1982, с. 8—9, 12.

¹⁶⁰ Там же, с. 10.

Петра Чихачева «Арало-Каспийская депрессия»¹⁶¹, содержащая много ценных сведений и наблюдений, например, об Аральском море и низовьях Амударьи и Сырдарьи, которые и сейчас представляют большой интерес.

Не менее интересна жизнь и деятельность одного из замечательных русских ориенталистов Николая Владимировича Ханыкова (1819—1878)¹⁶². Кроме участия в походе Перовского на Хиву, он в 1841—1842 гг. побывал в Бухаре, написал в числе многих работ «Описание Бухарского ханства» (СПб., 1843). Этот труд не утратил своего значения и ныне. Н. В. Ханыков — брат сосланного в Орскую крепость революционера-петрашевца Александра Владимировича Ханыкова (1825—1853) и Якова Владимировича Ханыкова (1818—1862) — известного ученого, автора ряда ценных трудов по географии, истории и экономике Средней Азии. Н. В. Ханыков был близок впоследствии с А. И. Герценом, И. С. Тургеневым, с 1866 г. до конца жизни находился в Париже, как полагают некоторые авторы, в силу оппозиционного отношения к царской власти.

В Хивинском походе В. А. Перовского хотел принять участие М. Ю. Лермонтов. В 1837 г. в письме из Тифлиса своему другу С. А. Раевскому он писал: «...теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским»¹⁶³. По неизвестным причинам поэту не удалось это осуществить. По всей вероятности, это было не в его воле.

В Хивинском походе В. А. Перовского 1839—1840 гг. участвовал друг поэта-петрашевца С. Ф. Дурова горный инженер, писатель и путешественник Е. П. Ковалевский¹⁶⁴. Впоследствии он стал директором Азиатского департамента министерства иностранных дел в чине генерала. К нему часто ходили иностранцы, в том числе туркмены и бухарцы¹⁶⁵.

Другой участник Хивинского похода, командир авангардной колонны полковник Г. И. Данилевский впоследствии в 1842 г. возглавил посольство в Хиву, добил-

¹⁶¹ Там же, с. 175—194.

¹⁶² О нем см.: «Историкогеографическая этнография общественных наук в Узбекистане». Составитель Б. В. Лукин. Ташкент, 1974, с. 356—363; Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М., 1973. Предисловие Н. А. Халфина.

¹⁶³ Лермонтов М. Ю. Собрание соч. В 4-х т. Л., 1979—1981 гг. Т. 4, 1981, с. 404, 504.

¹⁶⁴ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 215.

¹⁶⁵ Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930, с. 341—344.

ся от хана подписания «торгового трактата», за что был произведен в генерал-майоры¹⁶⁶. Г. И. Данилевский — автор ценного труда о Хивинском ханстве¹⁶⁷. Жаль, что вскоре этот 35-летний офицер-красавец трагически погиб¹⁶⁸.

Немало видных писателей и ученых (А. Н. Плещеев, В. В. Григорьев, А. И. Макшеев, А. И. Бутаков и др.) принимали участие и в походе В. А. Перовского на Ак-мечеть в 1853 г.¹⁶⁹

Перовский поддерживал отношения не только с поэтами и учеными, но и с художниками, в числе которых были знаменитый Карл Брюллов и его брат Александр. В. А. Перовский познакомился с Карлом Брюлловым еще в Италии, где он жил в 1822—1824 гг. Он оказывал братьям Брюлловым много важных услуг, ходатайствуя за них перед высокопоставленными чинами Петербурга¹⁷⁰.

В 1837 г. в Петербурге К. Брюллов написал портрет В. А. Перовского. Он изображен во весь рост в полной парадной форме на фоне степи¹⁷¹. На заднем плане «киргиз» держит на поводу коня Перовского. Степь, «киргиз» напоминали службу Перовского в Оренбургском крае, военным губернатором которого он был в это время. Сначала портрет В. А. Перовского находился в оренбургском губернаторском доме¹⁷², а с 1927 г. — в Государственной Третьяковской галерее. Там же находится еще один портрет В. А. Перовского, написанный К. Брюлловым в 1836 г.¹⁷³

Портрет В. А. Перовского во весь рост был написан и Александром Брюлловым (Сорренто, 1824)¹⁷⁴, кисти

¹⁶⁶ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 116—117.

¹⁶⁷ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. Записки Русского географического общества, кн. V. СПб., 1851.

¹⁶⁸ Родители одной славянской княжны отказались выдать свою дочь за него, после чего Данилевский стал перед лошадьми и каретой, увозящей его возлюбленную из Петербурга за границу, и выстрелил себе в рот. — Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 116—117.

¹⁶⁹ Анов А. Ак-мечеть.

¹⁷⁰ Лясковская О. Карл Брюллов. М.—Л., 1940, с. 98—100.

¹⁷¹ Портрет В. А. Перовского см.: Лясковская О. Карл Брюллов, с. 99; Ракова М. Брюллов-портретист. М., 1956, с. 104.

¹⁷² Лясковская О. Указ. соч., с. 166.

¹⁷³ К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. Составитель Н. Г. Машковцев. Изд. второе. доп., М., 1961, с. 276.

¹⁷⁴ Оль Г. А. Александр Брюллов. Л., 1983, с. 28—30 (портрет на с. 29).

которого принадлежит и прекрасный акварельный портрет жены Пушкина (1831—1832)¹⁷⁵.

По заказу В. А. Перовского А. Брюллов в 1836 г. создает проект Караван-сарая для Оренбурга в стиле мусульманского зодчества. Караван-сарай являлся гостиницей для восточных купцов, имел во дворе мечеть¹⁷⁶. Карл Брюллов несколько дней жил у А. А. Перовского (брата оренбургского губернатора), который закрыл его на ключ и заставил работать (об этом пишет А. С. Пушкин своей жене)¹⁷⁷. К. Брюллов, отказавшийся писать портрет Николая I, создал два портрета В. А. Перовского. Художник собирался писать портрет Пушкина, но этому помешала дуэль поэта с Дантесом, состоявшаяся на один день раньше обговоренного срока написания портрета¹⁷⁸. За четыре дня до своей гибели Пушкин выпрашивал у К. Брюллова его рисунок «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне» (Измире.— М. Н.), но так как рисунок уже принадлежал Салтыковой, художник обещал поэту нарисовать другой¹⁷⁹. Позже Брюллов упрекал себя, что не отдал поэту этот рисунок¹⁸⁰.

В. А. Перовский всю жизнь поддерживал художника Александра Иванова, рискуя своим положением, пытался облегчить участь сосланного в Оренбургский край Тараса Шевченко¹⁸¹.

В 1839 г. В. А. Перовский пригласил в Оренбург художника Василия Ивановича Штернберга (1818—1845), возил его с собой по башкирским и казахским степям. В. И. Штернберг создал ряд произведений на оренбургские темы (писал в том числе «киргизов» на Меновом дворе), участвовал в Хивинском походе Перовского и сделал там несколько зарисовок¹⁸².

В походе В. А. Перовского на Ак-мечеть участвовал ученик Карла Брюллова, талантливый художник Андрей Николаевич Гороневич (1818—1889). Как официальный хроникер этого похода А. Н. Гороневич создал ряд рисунков о взятии Ак-мечети в 1853 г., отмеченных худо-

¹⁷⁵ Там же, с. 67.

¹⁷⁶ Там же, с. 72.

¹⁷⁷ К. П. Брюллов в письмах..., с. 109.

¹⁷⁸ Там же, с. 125.

¹⁷⁹ Там же, с. 146.

¹⁸⁰ Там же, с. 147.

¹⁸¹ Оль Г. А. Указ. соч., с. 27.

¹⁸² Чабров Г. Художники России в Туркестане.— Звезда Востока, 1954, № 5, с. 113—115.

жественными и документальными достоинствами. Им же созданы акварели и рисунки «Сыр-Дарья» (1854), «Отдых бухарского каравана в киргизских степях» (1855) и многие другие, колоритно передающие жизнь и быт жителей казахских степей и Средней Азии¹⁸³. За картину «Меновой двор в Оренбурге», задуманную в 1851 г. и написанную в 1858—1860 гг., А. Н. Горюнович получил в 1860 г. звание академика. Это большое полотно, находящееся в Русском музее в Ленинграде, — одно из лучших творений художника¹⁸⁴.

Несколько слов о личных качествах В. А. Перовского.

18-летним юношей В. А. Перовский участвовал в Бородинском бое 1812 г., где ему оторвало палец на левой руке, полтора года находился в французском плену (был взят в Москве), ранен в грудь в 1828 г. в русско-турецкой войне, в 1853 г. штурмом взял кокандскую крепость Ак-мечеть, неоднократно награждался и т. п. и т. д.¹⁸⁵ Если это — его заслуги, как говорится, во славу отечества, то не менее, а может быть даже более примечательны черты его характера, проявляемые в мирные дни, в частности, его взаимоотношения хотя бы с царским двором (о них говорилось и выше). Даже И. Н. Захарьин, написавший книгу о деятельности В. А. Перовского в духе официальной политики царского времени, отмечает прямоту характера, самостоятельность суждений, отсутствие лести и другие качества Перовского: «Но любимый адъютант, оказывается, имеет одну странную черту характера, весьма неудобную при дворе: в нем настолько отсутствует честолюбие, что он не благодарит даже за орден, ему пожалованный... Кроме того, он решается иногда сообщать императору такие вещи, на которые не рискует никто, — и, наконец, дерзает идти открыто противу всемогущей немецкой партии, крепко сплотившейся в то время при дворе под главенством фатальных для России графов Нессельроде, Бенкендорфа и Клейнмихеля¹⁸⁶.

¹⁸³ Там же, с. 116—118.

¹⁸⁴ Там же, с. 118.

¹⁸⁵ Об этом см.: Захарьин И. Н. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его земный поход в Хиву. СПб., 1901, ч. I: «Граф В. А. Перовский» (глава «Биография графа Перовского»).

¹⁸⁶ Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) больше известен потомкам, как главный надзиратель за А. С. Пушкиным; шеф корпуса жандармов и начальник третьего отделения канцелярии императора, генерал-адъютант. Нессельроде Карл Роберт (1780—1862) — министр иностранных дел России с 1816 по 1856 г.,

которым были чужды и непонятны национальные интересы нашего отечества...»¹⁸⁷.

Оренбург был местом почетной ссылки и для генералов. В том числе и для Перовского, несмотря на его близость к самому императору. Тот же Захарьин И. Н. пишет: «В 1833 году немецкой партии удалось-таки, наконец, «сплавить» нежелательного для ее интересов человека и В. А. Перовский получает назначение на далекую окраину России — в Оренбург, служивший в то время местом ссылки для преступников — уголовных и политических — и отличавшийся крайне суровым климатом по зимам и убийственными лихорадками летом...»¹⁸⁸.

Духовное родство объединяет людей, даже незнакомых или малознакомых друг с другом, людей разных времен и сословий. Кого не любил, например, министр иностранных дел России (канцлер) граф К. Р. Нессельроде? Салон графини Нессельроде был местом оханывания и травли А. С. Пушкина. В. А. Перовский шел против «всесильной немецкой партии» при дворе, возглавляемой графами Нессельроде, Бенкендорфом и Клейнмихелем.

Графы Нессельроде, Чернышев особенно вредили Перовскому после неудачного Хивинского похода 1839—1840 гг. А когда Перовский пытался повторить Хивинский поход, то его недруги, и главным образом канцлер Нессельроде, не допустили этого, желая «успокоить англичан и как бы извиниться перед ними, что без их позволения мы решились было двинуться на Восток»¹⁸⁹.

Нессельроде постоянно противодействовал братьям Чихачевым, ставившим вопрос о необходимости изучения Востока. Платон Чихачев писал, что граф Нессельроде в течение многих месяцев оказывал ему «систематическое сопротивление»¹⁹⁰, когда он хотел изучить Среднюю Азию. И далее: «...всегдашняя неприязнь Нессельроде к предприятиям в Азию не уменьшалась... И мне по поводу статьи о бассейне Аму- и Сыр-Дарьи,

---

сподвижник Николая I, сторонник Меттерниха, имел прозвище «австрийский министр русских иностранных дел». Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869) в 1832—1835 — дежурный генерал Главного штаба, впоследствии граф и т. п.

¹⁸⁷ Захарьин И. Н. (Якунин). Граф В. А. Перовский и его земный поход в Хиву, ч. I, с. 8—9.

¹⁸⁸ Там же, с. 9—10.

¹⁸⁹ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 81, 106.

¹⁹⁰ Чихачев П. А. Страница о Востоке, с. 9.

прочитанной в Географическом обществе, достались неприятности»¹⁹¹.

Ответная ненависть А. С. Пушкина, В. А. Перовского, братьев Чихачевых к всемогущему графу Нессельроде и его единомышленникам создавала невидимый фронт противостояния этим людям, царскому двору.

Часто приходишь к мысли, что от ссылки (от революционера до неугодного двору генерала) выигрывали окраины, места ссылок.

В 1857 г. на посту оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского сменил Александр Андреевич Катенин (1803—1860), двоюродный брат известного русского писателя, члена первой декабристской организации «Союз спасения» (1816—1817) Павла Александровича Катенина (1792—1853)¹⁹². Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин наряду с верным служением царю покровительствовал некоторым передовым людям России, в частности «Магеллану Аральского моря» А. И. Бутакову. Аральская флотилия во главе с А. И. Бутаковым поддержала известное в истории Средней Азии антиханское Кунградское (Бозатауское) восстание 1858—1859 гг. — А. А. Катенин дал указание А. И. Бутакову при надобности «подать помощь кунградцам»¹⁹³, что и было сделано. При А. А. Катенине в составе посольства Н. П. Игнатьева, выехавшего из Оренбурга в Хиву и Бухару через плато Устюрт, г. Кунград в мае 1858 г., были такие люди, как секретарь посольства Е. Я. Килевейн — впоследствии автор ряда замечательных историко-этнографических работ; дипломатический чиновник М. Н. Галкин, оставивший ценные исследования по Оренбургскому краю и Средней Азии; создатель первого самолета, лейтенант флота А. Ф. Можайский; астроном Струве; представитель Академии наук, востоковед П. И. Лерх и другие¹⁹⁴.

Общение со старшим братом, встречи с передовыми людьми своего времени, возможно, оказали воздействие на А. А. Катенина. Современник Жуковского, Пушкина, Крылова, Карамзина, Грибоедова, Гнедича, Дельвига,

¹⁹¹ Там же, с. 12.

¹⁹² О П. А. Катенине см.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М., 1980, с. 275—314.

¹⁹³ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877, с. 351—354.

¹⁹⁴ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, с. 164—165.

Баратынского А. П. Катенин активно участвовал в литературной борьбе того времени, писал статьи, много переводил.

Он автор пламенного революционного гимна:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
Мы свергнем и трон, и царей!

Свобода! Свобода! Ты царствуй вовеки над нами,
Тиран, трепещи! Уж близок падения час!
Ах, лучше смерть, чем жить рабами,—
Вот клятва каждого из нас!¹⁹⁵

«По неизлечимой болезни говорить правду», как говорил П. А. Катенин о себе, он не раз портил себе карьеру. Ярый спорщик, «неистовый Катенин» за правдивый, но дерзкий ответ великому князю Михаилу Павловичу вынужден был подать в отставку. Из-за этого П. А. Катенин получил генеральские погоны не в 30 лет, а в 46¹⁹⁶. Александр I выслал в 1822 г. П. А. Катенина из Петербурга, приравняв к его театральным выходкам (за организацию аплодисментов В. А. Каратыгину в противовес К. С. Семенову, даме сердца и будущей жене князя И. А. Гагарина)¹⁹⁷, но его миновали репрессии 1825 г., поскольку он не принимал непосредственного участия в подготовке декабрьского восстания¹⁹⁸.

П. А. Катенин не раз встречался с А. С. Пушкиным. Молодой поэт интересовался его мнение о своих стихотворениях¹⁹⁹. П. А. Катенин высоко отзывался о «Капитанской дочке»²⁰⁰. Это было особенно важно в то время, так как историко-литературные произведения поэта еще не получили тогда достойной оценки. Не все произведения Пушкина оценивая верно, П. А. Катенин, однако, ставил поэта в один ряд с Ломоносовым и Державиным²⁰¹. Он вместе с Пушкиным 7 января 1833 г. был принят в члены Российской академии²⁰². По словам Пушкина, П. А. Катенин никогда не старался «утождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел

¹⁹⁵ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. I, с. 21—22; т. II, с. 249.

¹⁹⁶ Там же, т. I, с. 292—293.

¹⁹⁷ Там же, с. 286—288, 441—442.

¹⁹⁸ Там же, с. 23, 290—291.

¹⁹⁹ Там же, с. 297.

²⁰⁰ Там же, с. 307.

²⁰¹ Там же, с. 308—309.

²⁰² Там же, с. 303.

всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно»²⁰³.

Вместе с тем поэт отмечал, что Катенин опоздал родиться и весь принадлежит XVIII столетию. «Страстный республиканец с манерами «французского маркиза» — таким остался Катенин в памяти потомства», — так характеризуют его Я. Левкович, И. Мушина, авторы вступительной статьи книги «Писатели-декабристы в воспоминаниях современников»²⁰⁴.

Смелый, неподкупный, высокообразованный, знающий многие языки Павел Катенин был оригинальной личностью. Исследователи, подчеркивая его индивидуальность, отмечают, что он «был человеком крайностей — и в жизни, и в политике, и в литературе»²⁰⁵.

Но вернемся к Перовскому, хотя экскурс к Катениным дополняет общую картину описываемых времен.

Перовский любил Восток, Оренбург. В этом убеждает не только его просьба направить на вторичную службу в Оренбург (1851), но и следующие его слова из письма А. Я. Булгакову от 14 сентября 1852 г.: «Государь дал бы, конечно, несколько миллионов, если бы посредством денег можно было перенести в Царское село или Петергоф те виды, которыми Господь Бог так щедро одарил Оренбургскую губернию»²⁰⁶. Перовский даже свое жилье обставлял по-восточному: ковры, кальяны, оружие и т. п.²⁰⁷

Пушкиноведа отмечают организаторские способности Перовского²⁰⁸. Он создал срочную почту-летучку, которую обслуживали башкиры: через каждые 25 верст стояли конные башкиры, которые доставляли почтовую сумку от одного пункта до другого²⁰⁹.

По приказу В. А. Перовского в Оренбурге стали строить каменные здания по типовым проектам²¹⁰. При нем было начато и в основном завершено (в 1837—1846 гг.) сооружение Караван-сарая — выдающегося

²⁰³ Там же, с. 437.

²⁰⁴ Там же, с. 23.

²⁰⁵ Там же, с. 21. Теоретические и критические работы (статьи и письма) Катенина см.: Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981.

²⁰⁶ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 189.

²⁰⁷ Вересаев В. Спутники Пушкина, т. 2. М., 1937, с. 409—410.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Пушкин в Оренбурге, с. 93.

²¹⁰ Зобов Ю. С. Оренбургские, год 1833. Оренбург, 1983, с. 8—9.

произведения архитектурного искусства, одной из лучших достопримечательностей современного Оренбурга.

И. Н. Захарьин, побывавший в 1888 г. в Оренбурге, отмечает, что при Перовском были построены водопровод, Караван-сарай, мечеть. «Даже местные кумысники-башкиры, когда мне доводилось вызывать их на разговор о Перовском, говорили: «Добра душа бул Перовский. Такой нет бульша»²¹¹. Примечательно, что в Хивинском походе Перовского участвовали люди разных национальностей, местные жители — казахи, башкиры, а также ссыльные поляки и другие. Высоко отзывался о своем предшественнике и сменивший Перовского на посту оренбургского генерал-губернатора А. А. Катенин²¹².

Современники и биографы графа отмечают образованность Перовского. Автор исторического романа «Ак-мечеть» Н. Анов посвятил целую главу описанию богатой библиотеки В. А. Перовского.

Перовский с честью уходил со сцены. Оставление службы и окончательный уход из Оренбурга в 1857 г. он объяснял в одном из своих писем московскому почт-директору А. Я. Булгакову так: «...Я мог бы еще обманывать зрителей, но обманывать самого себя невозможно, пора уступить место другому»²¹³. По словам Захарьина, Перовский перед смертью сжег свои письма, чтобы они не попали в руки других²¹⁴. Кто знает, что скрыл больной генерал, который не раз резко высказывался о придворной камарилье?

Большой интерес к личности В. А. Перовского проявлял Л. Н. Толстой. После поездки в Оренбургский край в 1876 г. Л. Н. Толстой задумал написать исторический роман «Декабристы», главным действующим лицом которого хотел сделать В. А. Перовского. С этой целью он просил редактора «Русского архива» П. Бартенева выслать ему опубликованные в журнале далевские письма о Хивинском походе²¹⁵.

Л. Н. Толстой считал, что «фигура Перовского одна — может наполнить картину из времени 20-х го-

²¹¹ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 126.

²¹² Русская старина, 1896, кн. 5; Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 125.

²¹³ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 13; ч. II, с. 191—192.

²¹⁴ Там же, ч. I, с. 93.

²¹⁵ Об этом см.: Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 124—125.

дов»²¹⁶. Писатель внимательно изучил сохранившиеся письма В. А. Перовского к разным лицам, высланные ему по просьбе в 1878 г. А. А. Толстой. Но еще до получения этих писем он писал А. А. Толстой: «Очень-очень вам благодарен за ваше обещание дать мне сведения о Перовском... Личность Перовского вы совершенно верно определяете а grands traits²¹⁷;— таким я и представляю его себе; и такая фигура — одна, напоминающая картину; биография его — была бы груба; но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как например, Жуковский, которого вы, кажется, хорошо знали, а главное с декабристами,— эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Николаю Павловичу, самой крупной и а grands traits фигуры,— выражает то время»²¹⁸. И далее он писал: «Молюсь Богу, чтобы он позволил мне сделать хоть приблизительно то, что я хочу!»²¹⁹.

Л. Н. Толстой вел переписку с возвращавшимися из ссылки декабристами, собирая материал для романа «Декабристы». Некоторые современные исследователи предполагают, что писателю не позволили обстоятельства завершить это произведение и ссылаются на слова М. И. Муравьева-Апостола: изобразить бедствия русского народа тех времен «Л. Н. Толстому будет нельзя, не позволят, если бы он даже и захотел»²²⁰.

В недавно опубликованных письмах С. А. Толстой сообщается о том, что было написано начало этого романа о декабристах, работа шла усиленная по превосходно составленному плану, вместе с тем отмечается сложность задуманного произведения²²¹. Насчитывают семнадцать вариантов начала незаконченного романа «Декабристы»²²². Приходится лишь сожалеть, что, неоднократно возвращаясь к роману, Л. Н. Толстой, однако, так и не закончил его.

Итак, если подходить к оценке личности Перовского объективно, не впадая в крайности (не забывая о пар-

²¹⁶ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. VII, 112—113.

²¹⁷ Грандиозным, величественным, характерным.

²¹⁸ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 113.

²¹⁹ Там же, с. 114.

²²⁰ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. I, с. 44—45 (из вступительной статьи Я. Левкович, И. Мушиной).

²²¹ Шифман А. Письма в Ясную Поляну. Из почты С. А. Толстой.— Литературная газета, 1982 г., 21 июля.

²²² Большаков Леонид. Отыскал я книгу славную... Изд. второе, Челябинск, 1983, с. 222.

тийно-классовом подходе в оценке событий и личностей прошлого или не соскальзывая в вульгарный социологизм), то он предстает перед нами не только оренбургским покровителем Пушкина и вероятным источником сведений для поэта и по Степям, и по Средней Азии, но известной личностью, по ряду действий и поступков выходящей за рамки своего классового сословия и времени.

С одной стороны, Перовский — царский генерал, проводивший политику царизма на окраинах России, один из тех, кто «верой и правдой» служил «царю и отечеству», укрепляя власть российского самодержавия, человек, который судил петрашевцев, проводил жестокую колонизаторскую политику (по его приказу было подавлено народное движение Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова)²²³, беспощадный к тем, кто не выполнял его приказа (например, расстрел во время Хивинского похода трех казахов-верблюдовожатых за отказ идти дальше)²²⁴; гибель половины пятитысячного отряда по пути в Хиву в какой-то мере и на совести Перовского, как бы не оправдывали это его биографы. Перовский был честолюбив (тяжело переживал неудачу Хивинского похода 1839—1840 гг. и пытался организовать новый поход). С другой стороны, Перовский — молодой герой Отечественной войны 1812 г., храбрый офицер, отличившийся в русско-турецкой войне, противник иностранного засилья в царском окружении, широкообразованный и культурный человек, поддерживающий тесную связь с передовыми людьми своего времени, иногда сам становящийся на прогрессивные позиции той эпохи, друг и покровитель многих выдающихся русских поэтов, писателей, ученых и художников.

Перовский — один из тех, кто (пусть даже не из благих намерений) ускорял присоединение Средней Азии к России. Начало этому положил Хивинский поход Перовского. Если ученые отмечают, что российско-среднеазиатские политические и экономические связи через Оренбург в значительной мере «облегчили присоединение узбекских ханств к России»²²⁵, то поход Перовского тем более.

²²³ Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 121.

²²⁴ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 63.

²²⁵ Зияев Х. З. Роль Оренбурга в развитии политических и экономических связей между Россией и узбекскими ханствами.—

Хивинский поход 1839—1840 гг., как и вторжение англичан в Афганистан в 1838—1839 гг., преследовал колонизаторские цели (он был в известной мере реакцией на действия Англии в Афганистане)²²⁶. Однако, несмотря на внешнее сходство (одинаковые цели, в одно время совершались, оба потерпели неудачу и т. п.), эти два похода различались по своим последствиям и конечным результатам. Хивинский поход 1839—1840 гг., как и завоевание и присоединение Средней Азии к России, объективно, вопреки планам и замыслам царизма (в том числе и В. А. Перовского), был прогрессивным по конечным результатам событием, если учесть, что народы Средней Азии через 77 лет после этого похода включились в революционную орбиту России и в результате Великой Октябрьской социалистической революции вошли в братское содружество народов СССР.

Интересно, что Ф. Энгельс не считал неудачный поход В. А. Перовского 1839—1840 гг. таким уж неудачным. Он отмечал, что после этого похода хивинский хан освободил русских пленников, отправил посольство в Петербург, а Перовский провел подготовительную работу для дальнейшего проникновения России в Среднюю Азию²²⁷. А в письме К. Марксу от 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс писал: «...Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»²²⁸.

Примечательно, что и декабрист П. Пестель ратовал как за присоединение окраинных земель к России, так и за единую структуру правления на этих территориях. Так, рассматривая «киргиз-кайсаков» так же, как и донских казаков, Пестель писал в программном документе декабристов «Русской правде»: «Аральский удел должен быть составлен из земель киргиз-кайсаков, России принадлежащих и присоединенными быть имеющих и быть для той же цели предназначен, как в Донской удел, а посему и одинаковые с ним получить устройство и образ правления»²²⁹. Перовский тоже в письме хивинско-

---

В кн.: Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII—начала XX вв. Свердловск, 1983, с. 38.

²²⁶ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских (1825—1853). М., 1982, с. 253.

²²⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 616. Подробнее об этом см.: Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана, с. 21—22.

²²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

²²⁹ История, вып. 6, Изд. КазГУ, Алма-Ата, 1973, с. 168.

му хану просил не притеснять подвластных России «кайсаков»²³⁰, хотя и сам не раз расправлялся с ними.

В. А. Перовский, безусловно отличался от таких последующих «туркестанских» генералов, как Скобелев, Кауфман, Куропаткин²³¹. Если с кем-либо и сравнивать В. А. Перовского, то скорее, с генералом А. П. Ермоловым (1777—1861)²³². Перовский в Оренбургском крае, Ермолов на Кавказе делали одно дело: служили «царю и отечеству», были завоевателями и устроителями окраин России. Вместе с тем Перовский и Ермолов были незаурядными личностями; оба они внесли вклад во славу русского оружия, оба состояли в дружбе или связи с некоторыми декабристами, А. С. Пушкиным, оба были образованными, имели собственные суждения и ненавидели бюрократию и царский двор. Оба служили в ссыльных краях. Оба защищали передовых русских писателей от царских ищеек: Ермолов — Грибоедова, Перовский — Пушкина. И как бы, например, Перовский не усердствовал в служении «царю и отечеству», Оренбургский край, как и Кавказ, был полон ссыльными революционерами, передовыми учеными, писателями и другими. И Перовский, хотел он этого или нет, общался с ними, ходил в походы.

Ермолов и Перовский были сложными личностями, противоречивы их взгляды на жизнь, действия и поступки²³³. Но при всех противоречиях они были заметными фигурами своего времени.

²³⁰ Русская старина. СПб., 1873, февр., с. 252—253 (Из редакционной статьи «Хивинская экспедиция 1839 года»).

²³¹ Когда отмечали присоединение Ферганы (бывшего Кокандского ханства) к России, много говорили о них, а Перовского даже не упомянули (Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. I, с. 7, 11, 125). Царский двор не очень чтит своего генерала, фактически начавшего завоевание Средней Азии Хивинским походом 1839—1840 гг. и взятнем Ак-мечети в 1853 г.

²³² Суворовский капитан артиллерии, прославленный герой Отечественной войны против Наполеона, усмиритель горцев и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, человек не всегда ладивший с двором, хотя и проводивший царскую политику на Кавказе, родной брат декабриста А. М. Каховского по матери, покровитель сосланных на Кавказ декабристов и т. д. и т. п. — таким был генерал Алексей Петрович Ермолов. Николай I, не жаловавший Ермолова, в 1827 г. сменил его на Кавказе. После этого прославленный генерал находился в опале и бездействии более тридцати лет. О А. П. Ермолове см.: Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1865; Давыдов Денис. Военные записки. М., 1983; Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964; Михайлов О. Генерал Ермолов. М., 1983; и др.

²³³ О противоречивости политического облика Ермолова см.: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. Объектив-

Таков В. А. Перовский, малоизвестный сегодняшним читателям близкий приятель А. С. Пушкина, личность весьма значительная, яркая, противоречивая. И кто-то, возможно, осуществит замысел Л. Н. Толстого и напишет роман о В. А. Перовском.

К. Д. АРТЮХОВ, И. П. ИВАНОВ И ДРУГИЕ

Одним из оренбургских знакомых А. С. Пушкина был директор Неплюевского военного училища (в 1832—1837) инженер-капитан Константин Демьянович Артюхов. Приехав 18 сентября 1833 г. в Оренбург, А. С. Пушкин остановился у него, вымылся в его бане, попил чаю и потом отправился к военному губернатору В. А. Перовскому. Как предполагает Д. Н. Соколов, А. С. Пушкин и К. Д. Артюхов познакомились еще до 1817 г., когда поэт учился в лицее, а Артюхов в Военно-инженерном училище²³⁴. В Оренбурге они встретились как старые знакомые.

Артюхов радостно встретил «генерала Пушкина», как доложил ему его слуга-мальчик²³⁵. По свидетельству современников, Артюхов был умным и веселым собеседником, много интересного рассказывал он и Пушкину²³⁶. В предбаннике, расписанном картинами сцен охоты (Артюхов был страстным охотником), хозяин развлекал поэта красочным рассказом об охоте на вальдшнепа, сравнивая гордую смерть этой птицы со смертью Брута²³⁷. Пушкин, в свою очередь, прочитал стихи П. А. Вяземского о дорогах²³⁸.

Любопытная деталь. Когда гоголевский Хлестаков переезжал из трактира в дом городничего, на вопрос «Кто приехал?» слуга городничего ответил: «Генерал». Возможно, этот эпизод связан с остановкой Пушкина в доме Артюхова: поэт, надо думать, рассказал Н. В. Гоголю о вышеприведенных словах слуги Артюхова, а

ное изображение Ермолова в романах Ю. Тынянова «Кюхля» (1926). В. Рыбина «Море согласия» и «Государя и кочевники» положительно отмечено литературной критикой. См., например, Оскоцкий В. Роман и история. М., 1980, с. 246—248, 252—253.

²³⁴ Пушкин и его современники. Вып. XXIII—XXIV, Петроград, 1916, с. 72. Л. А. Черейский, правда, оспаривает это утверждение (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 18—19).

²³⁵ Иванов И. П. Хивинская экспедиция 1839—40 гг. Очерки и воспоминания очевидца. СПб., 1873, с. 21.

²³⁶ Пушкин и его современники. Вып. XXIII—XXIV, с. 72, 301—302.

²³⁷ Там же, с. 302.

²³⁸ Там же, с. 72—73.

Тоголь включил эту деталь в свою комедию «Ревизор». Впрочем, в те времена «генералом» на окраинах России называли любого начальника. Декабрист А. Е. Розен, описывая свою встречу с поэтом В. А. Жуковским, сопровождавшим наследника престола, в городе Кургане, где находился на поселении, пишет: «У крыльца моего стояли дрожки исправника. «Кто приехал?» «Генерал!» — ответил кучер; народ называет генералом всякого превосходительного, будь он врач, профессор или начальник департамента внешней торговли»²³⁹. «Генералом» был В. А. Жуковский, к которому обратился декабрист за содействием. В дни похорон А. С. Пушкина на вопрос: «Кого хоронят?» тоже отвечали: «Генерала».

К. Д. Артюхов вместе с Далем сопровождал Пушкина в его поездке в Берды и был рядом во время бесед поэта с местными старожилками-свидетелями Пугачевского восстания²⁴⁰.

Хороший знаток края, начальник училища, где готовили кадры для военной и переводческой работы (преподавались арабский, тюркский, персидский языки), надо полагать, рассказывал немало и о казахских степях и Средней Азии. К. Д. Артюхов, как и Перовский, получил от Пушкина в 1835 г. экземпляр «Истории Пугачевского бунта». В 1839 г. К. Д. Артюхов участвовал в Хивинском походе Перовского (умер в 1840 г. от болезни, полученной во время похода)²⁴¹.

Уральский историк А. Белый предполагает, что А. С. Пушкин поехал в Уральск по совету В. И. Даля, В. А. Перовского, К. Д. Артюхова²⁴².

Об уральцах и Уральске, как известно, писали А. С. Пушкин, В. И. Даль, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко и другие. Своеобразная жизнь, быт и нравы уральцев привлекали внимание многих ученых, писателей,

²³⁹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. 1, с. 198.

²⁴⁰ Нам несколько удивляет лишь то, что на картинах «Пушкин в Бердах», висящих в пушкинском уголке Музея истории города Оренбурга и пушкинском музее школы № 14 в Бердах, не изображен К. Д. Артюхов.

²⁴¹ Пушкин и его современники. Вып. XXIII—XXIV, с. 71—72. Л. А. Черейский считает, что он умер позже (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 18—19).

²⁴² Белый А. Поехал я в Уральск... (к 150-летию поездки А. С. Пушкина на Урал), г. Уральск, 1983, с. 2. Он же. Еду к явским казахам. — Простор, 1983, № 9, с. 191.

путешественников. Не всегда уральские казаки ладили с правительством. Часть из них была выслана в Среднюю Азию и их потомки живут в основном на территории Каракалпакской АССР²⁴³.

Одним из тех, кто первым встретил А. С. Пушкина в Оренбурге 18 сентября 1833 г., был Николай Павлович Иванов²⁴⁴ — воспитанник (кадет) Неплюевского военного училища г. Оренбурга. В его книге «Хивинская экспедиция 1839—1940 гг. Очерки и воспоминания очевидца» (СПб., 1873, с. 20—23) пишется о пребывании Пушкина в Оренбурге. Кадет Иванов помогал своему начальнику Артюхову ухаживать за Пушкиным, слышал шутки поэта и Артюхова, экспромтом прочитанные поэтом стихи о дорогах. Иванов по просьбе Артюхова тут же записал эти стихи (князя Вяземского, а не Пушкина, как думали Артюхов и Иванов)²⁴⁵, на стене

²⁴³ Об уральских казаках, проживающих в Средней Азии с 1875 г., куда они были высланы за неподчинение введению в 1874 г. царскому «Положению о военной службе, общественном и хозяйственном управлении в Уральском казачьем войске», см.: Шмачков П. А. Переселение уральцев в Каракалпакию (1875—1881). — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1966, № 2; Короткая Е. И. Уральские казаки в Средней Азии. — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1981, № 2, № 3; и др. Свообразный уклад жизни уральских казаков, проживающих в Каракалпакской АССР, до сих пор нередко становится темой книг и статей ученых и писателей. Так, М. Е. Коженников написал повесть «Суводь» (Нукус, 1983), в которой описывается участие угнетенной части уральского казачества в борьбе за Советскую власть.

²⁴⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение, с. 159. Л. А. Черейский почему-то считает Н. П. Иванова автором малоизвестного рассказа о встрече с Пушкиным в Оренбурге у К. Д. Артюхова в сентябре 1829 г. Во-первых, Л. А. Черейский называет сентябрь 1829 г. вместо сентября 1833 г. Пушкин же был в Оренбурге в 1833 г., во-вторых, он дает неточное название книги Иванова и ссылки на ее страницы. А главное — Л. Черейский повторяет что-то сомнение по поводу воспоминаний Н. П. Иванова. Воспоминания Н. П. Иванова о встрече с Пушкиным в Оренбурге, за исключением некоторых неточностей, считаются в пушкиноведении достоверными. Так утверждает, в частности, И. Прянишников, автор статьи «Пушкин в Оренбурге» (в сб. статей «Пушкин в Оренбурге», Оренбург, 1937, с. 19—20). По всей вероятности, Л. А. Черейский повторяет слова Н. Н. Модестова, автора статьи о Дале (Модестов Н. Н. Владимир Ильич Даль в Оренбурге. — Труды Оренбургской Архивной Ученой Комиссии. Вып. XXVII, с. 31), который скептически отнесся к сообщению Н. П. Иванова о том, что Артюхов получил поэму от Пушкина «Историю Пугачевского бунта» с его дарственной надписью. Думается, прав Д. Н. Соколов, указавший на безосновательность сомнений Н. Н. Модестова по поводу воспоминаний Н. П. Иванова (Пушкин и его современники, с. 97).

²⁴⁵ Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. — Пушкин и его современники. Вып. XXIII—XXIV, с. 72—73. Прянишников И. Пушкин в Оренбурге. — В сб.: Пушкин в Оренбурге, с. 20.

карандашом; на другой день они были заключены в раму под стекло²⁴⁶.

Н. П. Иванов знал татарский язык, о чем свидетельствует приведенный в его книге диалог с «киргизом»²⁴⁷. Вероятно, он изучил его в Неплюевском военном училище Оренбурга.

Вспоминая свою встречу с А. С. Пушкиным в Оренбурге, Н. П. Иванов отмечает, что в разговоре за чаем после бани в доме Артюхова поэт «сообщил, что в Петербурге все уверены в снаряжении ученой экспедиции на Аральское море»²⁴⁸. Возможно, Пушкин имел в виду будущий Хивинский поход 1839—1840 гг. Захарьин пишет, что Хивинский поход содержался в тайне и назывался «ученой экспедицией к Аральскому морю»²⁴⁹. Об этом свидетельствует и письмо самого В. А. Перовского от 20. VI. 1839 г.: «В данное время я всецело поглощен приготовлением к научной экспедиции на берега Аральского моря»²⁵⁰.

Вероятно, Пушкин узнал о каких-то научных планах Академии от своих столичных знакомых или посещая собрания ученых — ведь, по словам близкого друга поэта — П. В. Нащокина, — Пушкин был членом Академии русской словесности и даже пытался стать членом Академии наук. Но этому препятствовал всегда С. С. Уваров — министр народного просвещения и президент Академии, один из ярых реакционеров и врагов Пушкина. Несмотря на это, поэт посещал публичные заседания Академии, писал эпиграммы на ее президента и вице-президента²⁵¹. Не исключено, что поэт знал об

---

²⁴⁶ Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839—40 гг. Очерки и воспоминания очевидца, с. 22.

²⁴⁷ Там же, с. 134.

²⁴⁸ Там же, с. 23.

²⁴⁹ Захарьин И. Н. (Якунин). Указ. соч., ч. II, с. 15.

²⁵⁰ Там же, с. 161.

²⁵¹ Верещаев В. Пушкин в жизни. 6 изд., т. 2. М., 1936, с. 281—282, 346—347. Пушкин был избран в члены Академии русской словесности в начале 1833 г. (Гроссман Леонид. Пушкин. М., 1939, с. 525). Л. Гроссман, по всей вероятности, Академией русской словесности называет Российскую Академию (куда был избран Пушкин в январе 1833 г.), которая была создана в 1783 г., а затем в 1841 г. была присоединена к Академии наук и образовала Отделение русского языка и словесности. — Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. I (1724—1917). М., 1974, с. XII, XIV. В России некоторое время функционировали две Академии и в связи с этим некоторые авторы путают членство Пушкина в Академии. См. также: Некрасов Сергей В. Российская Академия. М., 1984.

успехах экспедиции полковника генерального штаба, впоследствии графа и генерал-фельдмаршала Ф. Ф. Берга, обследовавшей плато Устюрт и Аральское море в 1825—1826 гг. А историю России Пушкин знал хорошо. Как-бы то ни было, надо отдать дань осведомленности Пушкина, его стремлению узнать побольше о странах, лежащих к югу и юго-востоку от Оренбурга.

В той же беседе за чаем А. С. Пушкин, по свидетельству Н. П. Иванова, рекомендовал развести лесопосадки с помощью «киргизов»: «обязать киргизов, чтобы каждый, женившись, садил в степи по одному дереву. Многоженство они любят, и чрез это степи обросли бы лесом», — так передает слова поэта Н. П. Иванов²⁵³. Думается, что не только о посадке деревьев «киргизами» говорил Пушкин со своими оренбургскими знакомыми Перовским, Далем, Артюховым, которые к тому же были прежними (а не только оренбургскими) знакомыми поэта. Перовский, Даль, Артюхов, Иванов и другие представители оренбургской администрации и интеллигенции, будущие участники Хивинского похода 1839—1840 гг. должно быть, рассказали немало интересного и о степном крае, и ханствах, и народах Средней Азии.

Нам неизвестно, знал ли А. С. Пушкин Петра Ивановича Демезона (1807—1873)²⁵³, который с 1831 до 1836 г. работал учителем восточных языков в Неплюевском училище, переводчиком Оренбургской пограничной комиссии, а в октябре 1833 г. (примерно через месяц после отъезда Пушкина из Оренбурга) по поручению В. А. Перовского отправился в Бухару под видом мусульманина — татарского муллы Джафара — и благополучно вернулся в Оренбург в июне 1834 г. Академик А. Н. Кононов пишет: «Демезон был первым европейцем (за 30 лет до Вамбери!), посетившим Бухарское ханство и составившим его описание»²⁵⁴. Кстати, Демезон является издателем текста и французского перевода «Родословной тюрков» Абулгази (1603—1664), вышедшей в свет после смерти его в 1871, 1874 г. Пушкин, вероятно, был знаком с ранними (XVIII в.) изданиями «Родословной тюрков» на европейских языках. Возмож-

²⁵³ Иванов Н. П. Хивинская экспедиция..., с. 23.

²⁵³ О нем см.: Кононов А. Н. Библиографический словарь ответственных тюркологов. М., 1974, с. 155—156.

²⁵⁴ Там же, с. 156. Правда, Филипп Ефремов (1750—после 1811) был в Бухаре еще раньше и описал свои странствования в конце XVIII в. Кононов А. Н. Указ. соч., с. 161—162.

но, поэт встречался и с другими оренбуржцами, например, с исследователем края Г. Ф. Генсом, начальником Пограничной комиссии, в чью компетенцию входили дела Степи и Средней Азии. Но это лишь предположения.

А. С. Пушкин, конечно, получал сведения о Средней Азии не только от встреч с оренбуржцами, но и из книг и статей, в той или иной степени касающихся этого края (например, из публикаций и рукописей И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, Н. М. Карамзина, Н. Я. Бичурина, А. И. Левшина, Ф. Ефремова и других), из бесед с людьми, побывавшими в Средней Азии (например, Н. Н. Муравьев, В. Д. Вольховский, Е. К. Мейендорф и другие); должно быть, поэту была известна и художественная литература об этих краях — например, «Киргизский пленник» (1828) Н. Муравьева, «Киргизкайсак» (1831—1835) В. А. Ушакова.

* * *

Оренбург дал Пушкину очень много. Если бы не было поездки Пушкина в Оренбург, Казань, Урал, не было бы и «Истории Пугачева», «Капитанской дочери» и некоторых других произведений поэта, по крайней мере, в том виде, в каком мы имеем их сегодня.

Часть оренбургских впечатлений Пушкин сразу же использовал, о чем он писал жене из Оренбурга: «...дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю...»²⁵⁵. Часть — переваривалась в творческом «котле» поэта и ждала своего часа. Л. Н. Майков, который впервые опубликовал оренбургские воспоминания Дала о Пушкине и дал свои комментарии их взаимоотношений²⁵⁶, ссылаясь на П. В. Анненкова, пишет: «...черновая подготовка материалов для творческого создания длилась у великого поэта иногда очень долго, пока наконец счастливый порыв вдохновения не обращал их в светлые и мощные произведения искусства. Это глубокое сочетание размышления и вдохновения Анненков подметил, изучая рукописи Пушкина»²⁵⁷.

В Оренбурге Пушкин многое узнал и о казахских степях, Средней Азии, народах Юго-Востока России.

Средняя Азия в произведениях А. С. Пушкина — это тема специального исследования в дальнейшем; здесь

²⁵⁵ Вересаев В. Пушкин в жизни, 6 изд., т. 2, с. 170.

²⁵⁶ Майков Л. Н. Пушкин и Даль. — Русский Вестник, т. 210, 1890, октябрь, с. 3—20.

²⁵⁷ Там же, с. 19.

же приведем лишь некоторые примеры, относящиеся к ней и связанные с оренбургской поездкой поэта.

В «Истории Пугачева» Пушкин, ссылаясь на «предание, согласное с татарским летописцем», излагает историю дерзких походов двух яицких атаманов — Нечая и Шамая — на Хиву²⁵⁸. В «Примечании к Истории Пугачева» Пушкин ссылается на труд Абулгази Багадур-хана, упоминает некоторые замыслы и действия Тамерлана, поход Бековича-Черкасского в Хиву, дает развернутую справку о набегах Нечая и Шамая на Хиву и др.²⁵⁹

Точность и детальность описаний, знание труда Абулгази Багадур-хана, неоднократное обращение к работам П. И. Рычкова и другим — свидетельство эрудиции и научной добросовестности Пушкина-историка.

Пушкин, по всей вероятности, хорошо знал историю Тамерлана. В примечаниях к «Истории Пугачева» поэт приводит письмо Екатерины II к Вольтеру от 22 октября 1774 г., в котором, в частности, есть сравнение Пугачева с Тамерланом («Мне кажется, что после Тамерлана не было человека, который бы истребил столько людей») ²⁶⁰. Едва ли Пушкин разделял тенденциозное мнение императрицы о Пугачеве (о чем свидетельствует все, что написал поэт о Пугачеве), но как добросовестный исследователь он при необходимости приводит первичный документ. А о Тамерлане он знал, конечно, не только из письма императрицы.

Шестую главу «Капитанской дочки» — «Пугачевщина» Пушкин начинает с краткого описания Оренбургской губернии конца 1773 г.: «Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей»²⁶¹. В этой краткой, но емкой фразе Пушкина — целый сгусток истории многих народов. «Полудикие» народы, принявшие российское подданство, это — казахи Малой орды, каракалпаки и волжские калмыки. О них Пушкин, безусловно, знал хотя бы по книгам П. И. Рычкова, в которых описан переход названных народов в Российское подданство. Некоторые труды П. И. Рычкова — первого члена-корреспондента Акаде-

²⁵⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, с. 107, 189—191.

²⁵⁹ Там же, с. 186—191. «Татарский летописец», по всей вероятности, и есть Абулгази Багадур-хан.

²⁶⁰ Там же, с. 233.

²⁶¹ Пушкин А. С. Соч., М., 1948, с. 611.

мии наук, «оренбургского Ломоносова» — служили настольной книгой для А. С. Пушкина при написании «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки», важным источником по Средней Азии и Оренбургскому краю. Пушкин сам в «Примечании к Истории Пугачева» подчеркивает значение трудов П. И. Рычкова для познания Средней Азии: «...полезные труды и обширные сведения Рычкова о Средней Азии и Оренбургском крае...»²⁶². Пушкин прав. Как отмечает историк-этнограф Т. А. Жданко, «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии» П. И. Рычкова были написаны не только по материалам архива Оренбургской губернской канцелярии, но и на основании устных рассказов приезжавших в Оренбург представителей казахских и каракалпакских «орд»²⁶³. В библиотеке Пушкина хранился экземпляр «Цветущего состояния всероссийского государства» И. К. Кирилова²⁶⁴, содержащий описание петровской России, в том числе и ее юго-восточных окраин. О знакомстве с работами В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, П. И. Рычкова, А. И. Левшина и многих других свидетельствует сам поэт.

Пушкин-историк не выдумывал, ничего не писал случайно, все у него имеет исторически достоверную основу. Историк-пушкиновед Р. В. Овчинников приводит интересные сведения о «золотом дворце» Пугачева. В Бердах, этой повстанческой столице, Пугачев поселился в доме казака Константина Ситникова. Покои Пугачева были обиты вместо обоев «шумихой» — тончайшей бумагой золотистого цвета, изготовленной из двусернистого олова. «Шумиха» эта (золотые обои, золотая бумага) появилась у пугачевцев в результате захвата в конце октября 1773 г. под Орской крепостью бухарского торгового каравана. Караван был пригнан в Берды, среди захваченных товаров были меха, чай, хлопковая бумага, серебро и около двадцати ищиков «шумихи»²⁶⁵.

О золотой бумаге, которой были оклеены стены «дворца» Пугачева, упоминает Пушкин в «Капитанской дочке» (глава «Мятежная слобода») в сцене второй

²⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, с. 188.

²⁶³ Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпакцев. М.—Л., 1950, с. 17.

²⁶⁴ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910; Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. М., 1949, с. 13.

²⁶⁵ Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 41.

встречи Гринева с Пугачевым. Одно только упоминание, а сколько, должно быть, расспросил (о «золотых палатах» Пугачева рассказывала Пушкину и Бунтова в Бердах)²⁶⁶, или изучил источников Пушкин ради этого одного упоминания, которое интересно нам еще и тем, что оно касается Средней Азии.

В третьей главе «История Пугачева» А. С. Пушкин пишет о волнениях башкир, их старшинах, «которых Пугачев успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев»²⁶⁷. Поскольку здесь описываются события в Бердской слободе, штурм Оренбурга и т. п., то, вероятно, речь идет о бухарском караване, захваченном около Орска и приведенном в Бердскую слободу.

Видимо, эти ограбленные пугачевцами бухарские купцы очутились в осажденном Оренбурге и впоследствии обратились через бухарского посла к графу Н. П. Панину с просьбой компенсировать пропавшие товары, да еще отметить участие купцов в обороне Оренбурга (ограблены в 1773 г., просьба — в 1774 г.). Граф Панин отказал в этом, сославшись на то, что бухарские купцы охраняли свою жизнь и должны благодарить бога, что остались в живых, а что касается товаров, захваченных мятежниками, то за них правительство не несет ответственности, да к тому же такое случилось не только с бухарскими купцами²⁶⁸.

Здесь нам видится еще одна возможная связь между бухарским караваном и «Капитанской дочкой»: очень уж схожи просьбы ограбленных бухарских купцов и действие дядьки Петра Гринева Савельича, предьявившего Пугачеву для возмещения «реестр барского добра, раскраденного злодеями» (глава «Разлука»). Как известно, Пугачев крепко отчитал старика.

В числе лиц, представленных поэту в Уральске, был и почтмейстер есаул Ш. Узбяков²⁶⁹. Если учесть, что в прошлом подобные имена и фамилии прямо или косвенно указывали на этническое происхождение человека, то и эта «мелочь» может быть принята во внимание.

Не все собранное Пушкиным в Оренбургском крае нашло воплощение, использовано в его произведениях.

²⁶⁶ Славянский Ю. Л. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980, с. 57—58.

²⁶⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 6, с. 121.

²⁶⁸ Зияев Х. Э. Средняя Азия и Поволжье (вторая половина XVI—XIX вв.). Ташкент, 1965, с. 80 (на узб. яз.).

²⁶⁹ Белый А. Поехал в Уральск..., с. 5.

Примером того, что подоснова пушкинских произведений, подобно подводной части айсберга, выглядит намного больше видимой, опубликованной их части, может послужить знаменитый «Памятник». Он создан в 1836 г., т. е. через три года после посещения Оренбургского края, и носит следы поездки по пугачевским местам: упоминание калмыков, а в первом варианте — и «киргизов». Пушкин, хорошо зная, что «киргиз», «киргиз-кайсак» — неточный термин для названия народа, строку из «Памятника»: «Тунгуз, Киргизец и Калмык» заменил другой — «Тунгуз, и друг степей калмык»²⁷⁰. А в одном из вариантов «Памятника» названы, кроме «киргиза», грузин и черкес²⁷¹. Эта небольшая правка стала возможной, благодаря огромным познаниям поэта о народах, населяющих окраины России.

В первой главе «Истории Пугачева» Пушкин пишет, что слева от реки Урал «простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков»²⁷². Поэт, конечно, чувствует условность термина, к тому же означающего не одно племя, не один народ, и если он тоже говорит «киргиз-кайсаки», то потому, что так было принято называть степные племена в России пушкинского времени. Из-за условности термина, возможно, Пушкин писал и по-другому. Так, в пятой главе «Истории Пугачева» он пишет: «орды племен, кочующих между Янком и Волгою»²⁷³. Вероятно, отсутствие термина, обозначающего точное название степных и среднеазиатских народов, заставляло и его прибегать к общепринятому в то время собирательному названию степных народов или обращаться к словосочетаниям вроде «орды племен», «полудикие народы» в «Капитанской дочке» и т. п. Во втором случае Пушкин, безусловно, имел в виду многие племена и народы.

²⁷⁰ Л. А. Шейман правильно объясняет, что А. С. Пушкин сделал эту замену из-за условности термина «киргиз»; в то же время не убеждает его другое объяснение, что причиной замены было и то, что поэт писал только о «Руси великой» и «суших в ней языках» (Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963, с. 68—71). Пушкин не мог перечислять все народы (в этом и нет надобности); «калмыков» в данном случае и само название народа, и поэтический образ, означающий всех степных народов окраин России — калмыков, казахов, киргизов и других.

²⁷¹ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 3. М.—Л., 1937, с. 3.

²⁷² Пушкин А. С. Соч., М., 1948, с. 636.

²⁷³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6-ти т. Т. 6, с. 145.

У многих народов в просторечии часто употребляют одно слово для обозначения нескольких народов. Так, в Средней Азии в прошлом всех европейцев называли «инглиз», «ференги» (т. е. англичанин, француз), в русском языке долго бытовали слова «киргизы», «киргизкайсаки», обозначающие степных народов (в основном казахов); среднеазиатцев часто называли «бухарцами», хотя «бухарцем» мог быть и хивинец, кокандец, а по национальности узбек, таджик и другой. Кстати, известный венгерский ученый Арминий Вамбери, побывавший в Средней Азии в 1863 г., отмечает, что хивинские торговцы хлопком, перейдя Сырдарью, направлялись в Оренбург тем же путем, что и бухарские караваны и назывались в Оренбурге тоже бухарцами²⁷⁴.

Наш разговор в связи с «Памятником» — лишь небольшая попытка проникнуть в творческую лабораторию поэта. Б. Мейлах отмечает, что в поэзии предшественников Пушкина не было прогнозов о судьбах национальностей²⁷⁵. Мало того, нигилизм к «инородцам» проявлялся и после Пушкина. Например, стихи Фета:

У чуждей нет Анакреона,
К зырянам (коми. — М. Н.) Тютчев не придет.

Пушкин знал больше, чем писал, писал не все, что знал. Творческая личность выражает в своих произведениях лишь малую долю того, что знает. Поэтому приятно удивляет нас, например, восторженная речь Н. В. Гоголя о халифе ал-Мамуне, произнесенная им в октябре 1834 г. в Петербургском университете в присутствии А. С. Пушкина и В. А. Жуковского²⁷⁶. О том знаменитом багдадском халифе ал-Мамуне (сын не менее известного Харуна-ар-Рашида), который некоторое время правил халифатом, находясь в Мерве (ныне г. Мары, Туркменской ССР)²⁷⁷.

Другой пример. В. Шкловский в своей книге о русском художнике П. А. Федотове приводит письмо П. В. Нащокина А. С. Пушкину, в котором сообщалось о приезде К. Брюллова в Москву. Возвращаясь в зените славы из-за границы в Петербург, он по дороге заехал в Москву. П. В. Нащокин об этом писал: «...Прие-

²⁷⁴ Вамбери А. Очерки Средней Азии (дополнение к «Путешествию по Средней Азии»). М., 1868, с. 230, 232.

²⁷⁵ Мейлах Борис. Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 265—266.

²⁷⁶ Гоголь Н. В. Собр. соч., т. 6, М., 1956, с. 62—68.

²⁷⁷ Булгаков П. Г., Розенфельд Б. А., Ахмедов А. А. Мухаммад ал-Хорезми. М., 1983, с. 24—27.

хал он в Москву за два или три часа до начала спектакля: кресел он не достал, пошел в стулья, где встретил своего старого товарища, узнал его скоро, по калмыцкому его лицу — это был Каракалпаков, смотритель ламп и тому подобного Московского театра...»²⁷⁸. Как видно, А. С. Пушкин знал и о Владимире Каракалпакове, друге Карла и Александра Брюлловых, человеке необычайной судьбы²⁷⁹. Владимир Каракалпаков (1802—1850) в шестилетнем возрасте был подобран казачками на месте покинутого каракалпакского аула в низовьях Сырдарьи, окрещен, назван Владимиром Каракалпаковым и сдан в московский «Воспитательный дом для круглых сирот». Впоследствии в 1813 г. В. Каракалпаков поступил в Петербургскую Академию художеств, где учился и получил две серебряные медали за свои рисунки. Здесь он подружился с братьями Брюлловыми. Выступив в поддержку товарищей, которых должны были изгнать из Академии за бунт в защиту ученика Ф. Алексеева, В. Каракалпаков взял всю вину на себя, за что был высечен и исключен из Академии. С трудом поступил в Московский Кадетский корпус учителем рисования, где стал наставником П. А. Федотова, впоследствии знаменитого русского художника. Оставив Кадетский корпус, В. Каракалпаков поступил на работу в театр заведующим лампами. Восхищенный игрой знаменитого русского актера Павла Мочалова, он написал его великолепный портрет. Сын В. Каракалпакова — Павел Каракалпаков (Востоков) был актером Московского Малого театра.

Поездки вдохновляли Пушкина. Это в полной мере относится и к его поездке в Оренбургский край. Как верно отметил Н. Г. Евстратов, «тут важна та не под-

²⁷⁸ Шкловский Виктор. Повесть о художнике Федотове. М., 1965, с. 51. (Из главы «Брюллов и Каракалпаков»).

²⁷⁹ О В. Каракалпакове см.: Шкловский Виктор. Повесть о художнике Федотове. М., 1965; Харджиев Н. Судьба художника. М., 1960; Алламуратов А. Новые данные о Владимире Каракалпакове.— Амударья, 1961, № 12; Он же. Первый каракалпакский художник.— Советская Каракалпакия, 1961 г., 15 июля; Он же. Слово о художнике Каракалпакове.— Советская Каракалпакия, 1971 г., 25 мая; Максетов К., Мамбетназаров К. Еще о Владимире Каракалпакове.— Амударья, 1964, № 4; Чаплыгин Н. Художник Каракалпаков.— Советская Каракалпакия, 1971 г., 12 февраля; Бекбаулиев О. Новые данные о Каракалпаковых.— Амударья, 1983, № 9—10; Он же. Судьбы Каракалпаковых.— Советская Каракалпакия, 1983 г., 30 ноября; Он же. Каракалпаковы на страницах российской печати.— Совет Каракалпакстана, 1983 г., 3 декабря; и др.

дающаяся количественному учету внутренняя работа творческой мысли и воображения, которая получила здесь новые стимулы и новое содержание...»²⁸⁰. «До свидания в степях или над Уралом», — писал поэт, посылая в 1835 г. свою «Историю Пугачева» В. А. Перовскому, В. И. Далю, В. О. Покатилону и К. Д. Артюхову, мечтая еще раз побывать в этих краях.

Восточное, в том числе оренбургское, среднеазиатское, встречалось и в быту поэта. Возвращаясь из Оренбурга, Пушкин остановился у братьев Языковых в селе Языково Симбирской губернии (29 сентября 1833 г.) и бранил братьев за их азиатские привычки ходить дома в халатах²⁸¹. Но за три недели до смерти поэта «на Пушкине был старенький, дешевый халат, каким обыкновенно торгуют бухарцы в разноску»²⁸². В бухарском халате был поэт в своем кабинете за три недели до своей гибели. А в день дуэли с Дантесом 27 января 1837 г. Пушкин был в архалуке-поддевке, чекмене степных тюркских народов²⁸³, который после его смерти жена поэта отдала В. А. Нащокину²⁸⁴. Заметим: ближайший сподвижник Пугачева Хлопуша из «Капитанской дочки» ходил в «киргизском» халате. Пушкин, беседуя о чае, например, знал, что пить чай — не русский обычай²⁸⁵. Кстати, Пушкин сам любил чай²⁸⁶.

Пушкин носил на левой руке, между плечом и локтем, золотой браслет с зеленой яшмой, с турецкой надписью²⁸⁷. Поэт хорошо знал и мусульманские обычаи. Так, в «Путешествии из Москвы в Петербург» он пишет: «Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагоприятно»²⁸⁸. Все это штрихи к восточным интересам поэта.

На вопрос лицейского товарища о том, где он служит, Пушкин ответил: «Я числюсь по России»²⁸⁹. В этой шутке выражена законная принадлежность поэта всей России, всем ее народам.

²⁸⁰ Евстратов Н. Г. Русские писатели в Казахстане. Алма-Ата, 1979, с. 34.

²⁸¹ Вересаев В. Пушкин в жизни. Т. 2, с. 178.

²⁸² Там же, с. 351.

²⁸³ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1, М., 1981, с. 22.

²⁸⁴ Вересаев В. Пушкин в жизни. Т. 2, с. 387.

²⁸⁵ Там же, с. 253.

²⁸⁶ Там же, с. 279.

²⁸⁷ Там же, с. 35.

²⁸⁸ Пушкин А. С. Соч., М., 1948, с. 774.

²⁸⁹ Вересаев В. Пушкин в жизни..., с. 39.

Пушкину был присущ, как мы сказали бы сегодня, глубокий интернационализм (и это в то время, когда великодержавный шовинизм был чертой царской колониальной политики). Он радовался, когда ему удалось помочь опубликоваться в журнале «Современник» кабардинскому писателю Казы-Гирею: «Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей»²⁹⁰, — писал поэт. Этим чувством Пушкина, а не только его профессиональным интересом, объясняется «кавказская», «бессарабская», «оренбургская» и другие темы в его творчестве.

Пушкин во время своей поездки по пугачевским местам записывал образцы русского фольклора, в частности песни уральских казаков, а также его интересовал фольклор других народов. Из Уральска поэт увез запись казахского лироэпического сказания «Козы-Корпеш и Баян-Сулу»²⁹¹. Знакомство Пушкина с Востоком началось еще до его пребывания в Оренбургском крае (работал в Коллегии иностранных дел, рылся в царских архивах, читал много книг о Востоке, слушал рассказы знакомых, побывавших в Средней Азии и т. п.). Но Азию поэт, должно быть, ощутил глубже, полнее именно в Оренбурге, больше даже, чем на Кавказе.

Итак, Оренбургская поездка А. С. Пушкина 1833 г. — важная веха в его творческой биографии. Она способствовала не только появлению замечательных творений поэта, но и содействовала расширению его познаний о Востоке, в том числе и Средней Азии.

Так же, как нельзя было миновать Оренбург караванам купцов, послам, военным, отправляющимся из Средней Азии в Петербург, Москву и другие русские города и обратно, так же нельзя обойти Оренбург всем, кто занимается историей российско-среднеазиатских торговых, политических и культурных взаимосвязей. С этих позиций нам представляется небезынтересным и оренбургский период жизни великого Пушкина.

Пушкин всегда будет привлекать к себе внимание.

Поэт неисчерпаем. Неисчерпаемость Пушкина и позволяет взглянуть еще на одну, менее известную сторону его жизни и творчества — на среднеазиатские аспекты его оренбургской поездки, на его среднеазиатские интересы.

²⁹⁰ Современник, 1836, т. 1, с. 169.

²⁹¹ Модзалевский Л. В. Запись казахского предания в архиве Пушкина. — Временник пушкинской комиссии, 1937, № 3, с. 323—325; Бродский Н. Л. А. С. Пушкин. Биография. М., 1937, с. 762—763.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оренбург во времена А. С. Пушкина	4
В. И. Даль	14
В. А. Перовский	21
К. Д. Артюхов, Н. П. Иванов и другие	49

Марат Коптлеуич Нурмухамедов
ПУШКИН, ОРЕНБУРГ И ОРЕНБУРЖИЦЫ

Рецензенты:

профессора Л. Н. Большаков, Б. В. Лукин

*Утверждено к печати Редакцией научно-популярной
литературы Академии наук УзССР*

Редактор *М. Л. Карась*
Художник *Е. Н. Владимиров*
Технический редактор *В. М. Таралович*
Корректор *Г. В. Коржушина*

ИБ № 2998

Сдано в набор 28.11.84. Подписано к печати 16.01.85. P03976. Формат 84×108/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 2,25. Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 5000. Заказ 282. Цена 15 к.

Издательство «Фан» УзССР. 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан». Ташкент, проспект М. Горького, 79.